

Падший

Автор:

Павел Корнев

Падший

Павел Николаевич Корнев

Всеблагое электричество #3

В этом мире в чести пар и электричество, наука подменила собой религию, а магия – удел немногочисленных изгоев. Но граница между реальностью и преисподней там чрезвычайно тонка, и адептам научного знания с величайшим трудом удастся сдерживать натиск inferнальных тварей. Электричество сильнее магии, но не всеильно и оно.

Бывший детектив-констебль сыскной полиции метрополии Леопольд Орсо – сиятельный. От своих предков он унаследовал мрачный талант воплощать силой воображения чужие страхи и фобии. Справиться с собственными кошмарами оказалось далеко не столь просто, а когда Леопольд все же освободился от них, кто-то хитрый и могущественный втянул его в опасную игру, где марионетку не отличить от кукловода. Выигрыш не предусмотрен, поражение обернется падением в бездны ада. Бежать? Увы, слишком искусно сплетен силок...

Павел Корнев

Падший

Небо! Закрыто для неудачников!

Группа «Стимфония». Голем

Пролог, или Дирижабль и немного огня

Дым и зеркала – лучшие помощники иллюзиониста. Именно они, а отнюдь не запретная магия и не отринутое просвещенным обществом волшебство помогают фокусникам перекраивать реальность, заставляя зрителей поверить в несуществующие образы. Но дым и зеркала – простые инструменты, они лишь создают нужную атмосферу и дают почтенной публике повод задействовать собственное воображение.

Да! Все дело в нашем воображении. Именно способность сознания домысливать и достраивать окружающую действительность позволяет иллюзионистам увлекать зевак и морочить им голову. Ведь зачастую мы и сами рады обмануться, приняв желаемое за действительное...

Девушка в бесстыдно-коротком хитоне выше колен, стройная и рыжеволосая, кружилась в безмолвном танце на фоне серого неба. Неподалеку волновалось море; я даже чувствовал его солоноватый вкус, но ни блеск солнца на ряби волн, ни мрамор античных развалин не трогали меня – все внимание приковала к себе танцовщица.

Странный танец горячил кровь; девушка изгибалась, будто дрожащее на ветру деревце, иногда в притворном падении она наклонялась к земле, но сразу выпрямлялась, не давая повода прийти на помощь. Раз за разом я не получал возможности проявить себя, и это рвало мое измученное сердце на куски.

Неровные движения танцовщицы гипнотизировали и сводили с ума; я бы давно потерял над собой контроль, если бы не навалившаяся ватным одеялом тишина. Уши словно залепили восковыми пробками: не играла музыка, не шумел ветер, не плескалась о прибрежный камень волна. Лишь доносился из неведомого далека, будто из другого мира, непонятный размеренный стрекот.

Один только стрекот, стрекот, стрекот. А еще – запах гари.

Дым и зеркала...

Едкий дым вызвал кашель, пальцы судорожно сжались, и тотчас хрупким стеклянным крошечком лопнул бокал, расплескался лимонад. Я подался вперед и вывалился из кресла на толстый персидский ковер. Без сил распластался на нем, уловил сотрясавшую пол дрожь и лишь тогда вспомнил, кто я и где нахожусь.

Я Леопольд Орсо, виконт Крус, сиятельный. И сейчас я валяюсь посреди кают-компаний собственного дирижабля, будто надышавшийся первосортной дряни опиумный курильщик.

Дым и зеркала? Проклятье!

Дым клубился под потолком, но внизу еще хватало свежего воздуха, и мне удалось немного отдышаться и прогнать затуманивший голову дурман.

Хрипло выдохнув, я смахнул выступившие на глазах слезы и перепачкал чем-то липким лицо. Кровь. Это была кровь. Порезы, оставленные лопнувшим стаканом на ладони, уже затянулись и пропали без следа, а кровь так быстро засохнуть не успела.

Плевать! Я приподнялся на локте и осмотрелся. Дыма в кают-компаниях было хоть отбавляй. Дыма, но никак не зеркал. Вместо коварных отражений на полотняном экране у дальней стены под размеренный стрекот проектора кружилось безмолвное изображение Айседоры Дункан – танцовщицы, ничуть не похожей на рыжеволосую девушку из моего видения.

Стоило лишь взглянуть на экран, и до меня вновь донеслись отголоски далекой мелодии. Сила воображения и талант сиятельного наполнили черно-белое изображение яркими цветами, придали ему глубину, поманили запретной притягательностью миража. Только закрой глаза – и окажешься на берегу далекого моря, подхватишь на руки любимую, прижмешь к себе. И останешься там навсегда...

К черту! Не хочу жить иллюзиями!

Дьявол бы побрал этот клятый синематограф и дурманивший разум дым!

Скрипнув зубами от накатившей вдруг злости, я собрался с силами и поднялся на четвереньки, но не удержался и вновь повалился на пол. Руки и ноги налились свинцовой тяжестью, до выхода из кают-компания пришлось ползти ползком.

В коридоре я кое-как поднялся по стенке, локтем высадил один из иллюминаторов, и внутрь тут же ворвался поток свежего воздуха, будто ледяной водой окатило. Стало легче дышать, вернулась ясность сознания.

Какого черта тут творится?! Куда сгинули капитан, навигатор и стюард? Почему команда не тушит возгорание? Или задымление вызвано не пожаром, а технической неисправностью?

Я прикрыл лицо полкой пиджака и побрел к капитанской рубке, то и дело опираясь на переборки и останавливаясь перевести дух. Ноги по-прежнему слушались плохо, а в лицо все явственней веяло жаром, но отступить было некуда. Теперь только вперед, только вперед...

А впереди разверзлось огненное пекло. Чтобы понять это, хватило единственного взгляда в приоткрытую дверь командной рубки.

Пламенем была охвачена большая часть помещения, к едкому запаху паленой резины добавилась мерзкая вонь горелого мяса. Навигатор навалился грудью на приборную панель, да так и замер, объятый огнем, капитан безжизненно откинулся в кресле и не шевелился. Он тоже был мертв.

Вот дерьмо!

Внезапно резкий порыв сквозняка бросил в лицо длинный язык пламени, затрещали опаленные волосы; я отшатнулся и увидел, что дым выносит в распахнутую настежь дверь гондолы. И распахнулась та вовсе не сама по себе...

– Стой! – рявкнул я, но последний из команды дирижабля – стюард уже шагнул наружу и скрылся из виду. За его спиной нелепым горбом бугрился объемный ранец.

Мне не удалось удержаться от крепкого словца:

– Дьявол!

Дьявол! Дьявол! Дьявол!

Загудело раздуваемое сквозняком пламя, и я бросился к двери. Захлопнул ее и сразу поспешил в кладовую, где хранились выписанные из российской провинции Александром Дьяком экспериментальные парашюты Котельникова, но меня ждало жестокое разочарование: все шелковые купола оказались вытащены из ранцев и порезаны ножом.

Стюард, сволочь такая! Оставил сгорать заживо!

Я не стал гадать, по какой причине он обрек меня на верную смерть, и вернулся к внешней двери. Там нацепил на нос очки с круглыми затемненными линзами и потянулся к своему таланту сиятельного. Умение воплощать чужие страхи не способно придать человеку крылья, как воображение не в состоянии погасить пожар, но я и не собирался преодолевать силу всемирного тяготения или останавливать физико-химический процесс, именуемый горением. Мне просто требовалось преодолеть собственный страх – страх падения, страх высоты. Это было и просто, и невероятно сложно одновременно.

Готовясь к неизбежному, я разложил вытащенный из кармана нож, зажал в зубах титановый клинок и открыл дверь гондолы. Внизу, далеко-далеко, мелькнули горная гряда и голубовато-серое зеркало озера. Накатила неуверенность, подогнулись колени. Но я переборол секундную слабость и прыгнул вдогонку за стюардом.

Наружу. Без парашюта. В свободное падение.

Впрочем, падение лишь представлялось свободным. Тут же налетел ветер, рванул расстегнутый пиджак, закрутил в вихре, сорвал с лица очки. Глаза моментально наполнились слезами, но к этому времени я уже разглядел купол парашюта, что распух на фоне горного озера белым пятном.

Растопылив в разные стороны руки и ноги, я сумел остановить вращение и развернулся в сторону зависшего на стропах беглеца. Прижал руки к туловищу, изогнулся, меняя положение в пространстве, и резко пошел вниз, но не камнем, а на манер планера – под углом. Скорость падения резко возросла, ветер засвистел в ушах, обжег лицо холодом и принялся рвать одежду.

Я падал на жертву подобно коршуну, несясь, как пущенная в цель стрела. Тело свело судорогой, выдерживать верное направление получалось лишь ценой огромных усилий, но даже так попасть в купол с отверстием посередине не получилось. Сообразив, что зацеплю парашют лишь по касательной, я перехватил рукой зажатый в зубах нож, и меня тотчас закрутило штопором. В следующий миг клинок скользнул по шелку, а я промчался мимо и устремился к земле.

После столкновения с парашютом вращение еще больше усилилось, в какой-то момент меня перевернуло на спину, и над головой мелькнул судорожно дергавший стропы человек. Несколькими резкими взмахами я вернул себе прежнюю устойчивость и расставил в разные стороны руки и ноги подобно воздушным рулям. Свист ветра слегка поутих, падение потеряло недавнюю стремительность, и очень скоро меня обогнал камнем несшийся вниз стюард, за которым тянулось расплосованное ударом ножа полотнище парашюта, обмякшее и спутанное.

– Отправляйся в ад, ублюдок! – выкрикнул я и посмотрел на озеро под собой. Некстати вспомнилось, что при падении с большой высоты вода не уступает по твердости камню, но я выкинул эту научную заумь из головы и заставил себя успокоиться. Страх не осталось; нечего больше было бояться, да и незачем.

Я парил, просто парил в небе, а потом озерная гладь вдруг стремительно понеслась навстречу, и лишь за миг до удара о рябь серой воды в голове оформился подспудно не дававший все это время покоя вопрос: откуда, черт возьми, среди бобин киноплёнки взялась запись танца Айседоры Дункан? Она ведь мне даже никогда не нравилась!

И сразу – удар и тьма...

Глава первая, или Танец со змеями и немного отравы

Времени нет.

Время – фикция, выдумка наивных романтиков и ученых не от мира сего. Именно благодаря им простачки на полном серьезе полагают, будто время – это закольцованный бег стрелок по циферблату часов. Нечто бесконечное, незыблемое и неизменное. Вечное.

Опасное заблуждение.

Никакого времени нет, есть лишь последовательность событий, которая может оборваться в любой миг. Один миг – и то, что выстраивалось годами, развеивается в прах, исчезает, перестает существовать.

Жизнь? И жизнь – тоже. Моя так точно. По крайней мере, жизнь как привычная упорядоченность бытия.

Сидя на каменистом берегу крохотного островка посреди горного озера, я сожалел вовсе не о сгоревшем дирижабле и даже не о несостоявшемся перелете в Новый Свет, нет! Выть в голос хотелось из-за потерянной иллюзии личной безопасности.

Меня пытались убить.

Опять!

Стюрд ведь не рехнулся, не действовал наобум, он все продумал заранее и выждал самый удачный момент. Рухнувший в горах дирижабль – что может быть банальнее? Да и найдут ли обломки вообще? Разве что через несколько лет случайно кто-нибудь наткнется на искореженный при падении остов.

Но почему и зачем? Кому могла понадобиться моя смерть, если для всего мира я и без того давно мертв? Мертв либо пропал без вести больше года назад. Одно от другого не сильно отличается.

В покушении не было никакого смысла!

По моим следам могли идти обозленные малефики, эта братия возвела месть в ранг культа, но поджог дирижабля, замаскированный под случайное крушение, не вписывался в их обычный образ действий. Чернокнижники привыкли действовать гораздо более прямолинейно и были в своей прямолинейности чрезвычайно предсказуемы. Они полагались исключительно на магию, подкуп не их стиль. Сделай свой ход они, и стюард облил бы себя керосином и со спокойной улыбкой чиркнул спичкой о боковину коробка, а не пытался удрать.

И в происки имперской разведки я не верил тоже. У людей из окружения кронпринцессы Анны не было никаких причин сомневаться в моей смерти: с вынутым из груди сердцем не выживет никто. После моей пропажи из госпиталя они могли искать похитителей распотрошенного тела, но и только.

Концы с концами не сходились; я оказался в тупике.

Вспомнилась объятая огнем рубка, накатила дрожь. Огонь мог уничтожить большинство inferнальных тварей, оборотни исключением не являлись. Просто повезло, что ускоренный метаболизм вывел из организма яд, прежде чем пожар успел распространиться на кают-компанию.

– Дьявол! – выдохнул я, отыскал среди мелкой гальки плоский камушек и резким движением руки запустил его прыгать по воде.

Так себе развлечение.

Чертовски хотелось есть, но на каменистом островке даже трава не росла. Оставалось лишь хлебать сырую воду.

Не подумайте, будто я провел тут несколько дней. Вовсе нет. Не более получаса назад я рухнул неподалеку отсюда и расшибся о воду. Было больно.

Но та боль – резкая и быстрая – не шла ни в какое сравнение с запредельными муками, когда начали соединяться сломанные кости, срастаться мышцы и сухожилия, возвращаться на свои места выбитые суставы.

Я оборотень, а оборотня не так-то просто прикончить даже падением с километровой высоты, но восстановление организма запустило маховик ускоренного обмена веществ, и мне требовалось срочно подкрепиться.

Подкрепиться? Проклятье! Жрать! Я хотел не есть, а именно жрать. Если прямо сейчас не набью брюхо мясом, сам себя начну переваривать.

И боль... от голода боль в мышцах и суставах становилась еще нестерпимее.

– Драть! – Из рта невольно вырвалось любимое словечко вымышленного друга, и я понял, что дальше так продолжаться не может. Еще немного – и не поручусь, что сумею сохранить ясность мысли. Голод и боль после обратной трансформации зачастую лишали разума даже куда более опытных оборотней.

Я вспомнил отца. Теперь-то мне стало понятно, каких невероятных усилий ему стоило не превращаться в зверя целиком. Его спасала вера, но возможности человека не безграничны, и, дабы унять боль, папа пил, пил и пил. А потом умер. Если день за днем вливать в себя смертельную для обычного человека дозу алкоголя, не выдержит даже печень оборотня.

От этой мысли стало не по себе.

Я поднялся с камня, взял расползшийся по швам пиджак и огляделся по сторонам. Кругом – озеро и зеленые силуэты поросших лесом гор. С запада склоны были более крутыми и обрывистыми, в палитре там превалировал серый цвет, а в голубое небо ввинчивался столп черного дыма. Это догорал дирижабль.

По большому счету, от предстоящего заплыва останавливало лишь нежелание окончательно испортить и без того поврежденную падением с высоты одежду. После повторного купания даже самая качественная ткань неминуемо превратится в половую тряпку. В подобном виде и за бродяжничество задержать могут.

Я посмотрел на выловленные из озера лакированные туфли и с обреченным вздохом принялся сворачивать только-только просохший на ярком летнем солнце пиджак.

Не стоило возвращаться в метрополию – сейчас я осознавал это со всей возможной отчетливостью.

Налетел ветерок, и я поежился то ли от прохлады, то ли от неуютной мысли. Скорее все же второе – холодно не было, наоборот, бросило в пот.

Дьявол! Следовало лететь через Англию!

Следовало, да. Но в Лондоне было традиционно неспокойно: власти устраивали облавы на малефиков, масонов и социалистов, профсоюзы выводили рабочих на уличные демонстрации, да еще подливали масла в огонь пытающиеся отстоять независимость ирландцы. Полиция стояла на ушах, а мне вовсе не хотелось привлекать к своей персоне внимание бывших коллег. Пусть выправленный в российской провинции паспорт на новое имя и проходил по всем реестрам, но всегда оставался риск наткнуться на излишне бдительного констебля или того хуже – шпика Третьего департамента.

Еще не хватало, чтобы кто-нибудь опознал во мне Леопольда Орсо, виконта Круса.

Но вот опознали же!

Убить пытались именно Леопольда Орсо, в этом сомнений не было ни малейших. Лев Шатунов, как звали меня после смены документов, ни в чем предосудительном замешан не был. Получив доступ к вкладу, я сразу покинул Цюрих и путешествовал по Старому Свету, нигде подолгу не задерживаясь.

Серьезная неприятность за это время приключилась лишь единожды, да и та – банальней некуда: меня попытались ограбить. Сам виноват, поначалу не догадался оформить чековую книжку и всюду таскал с собой толстенную пачку франков. Грабитель попался ушлый и трусоватый, он попросту всадил мне в спину три пули. Я очнулся, когда жулик уже обчистил карманы и снимал с руки золотой браслет хронометра. Правду говорят, что жадность до добра не доводит. Грабитель позарился на золотую безделушку и в итоге лишился головы. В прямом смысле – мой самоконтроль в то время оставлял желать лучшего.

Но было ли это попыткой ограбления? Или это – звенья одной цепи?

Дьявол, все же стоило лететь через Лондон! И ведь соблазнился же простотой пути!

Через Атлантиду переправиться в Новый Свет и в самом деле проще всего, не требовалось даже делать остановку в Новом Вавилоне. Прямо из Лиссабона я направился на западное побережье острова, где намеревался пополнить запасы перед перелетом через океан.

Я выругался, мотнул головой и осторожно ступил в прозрачную воду. У берега были прекрасно видны сновавшие над галькой рыбешки, дальше в озерной глади отражались горы и небо.

Плыть не хотелось. Хотелось посидеть, собраться с мыслями, подождать неизвестно чего, но голод не унимался и подгонял все сильнее. Голоду вторил здравый смысл. Я отдавал себе отчет в том, что ждать на острове нечего и некого, плыть придется в любом случае. Так какой смысл попусту терять время, отсрочивая неизбежное?

Но как же холодно...

Я вернулся на берег и уже начал расстегивать ремень брюк, как вдруг...

– Из-за острова на стрежень, – хорошо поставленным голосом пропел некто с другой стороны острова, – на простор речной волны...

Затянув ремень, я поспешил вскарабкаться на каменную кручу и шумно выдохнул, не веря собственным глазам.

На фоне серых отрогов далеких гор по зеркалу чистой воды спокойно скользила небольшая прогулочная лодка. Степенный господин средних лет на веслах размеренно греб, угрюмо опустив голову; его компаньон стоял на носу с бутылкой вина в руке и самозабвенно пел высоким басом, скорее, подражая Шаляпину, нежели имея такой тембр голоса от природы.

Шанса выбраться с острова, не замочив ног, я упускать не собирался и замахал над головой пиджаком.

– Э-гей! На лодке!

Окрик заставил гребца испуганно вздрогнуть и втянуть в плечи короткую мощную шею, а певец приставил ко лбу ладонь и что-то сказал товарищу. Тот стал работать одним веслом, разворачивая лодку носом к островку.

Я с облегчением перевел дух и принялся разглядывать своих возможных спасителей. На охотников они нисколько не походили: никаких парусиновых курток, высоких сапог и ружей. Певец в светлом льняном костюме отправился на водную прогулку с непокрытой головой; гребец в визитке и полосатых брюках от традиций отступать не стал и водрузил на макушку канотье. И правильно сделал: в июньский полдень солнце припекает даже в горах. Если вином злоупотреблять, точно на песнопения потянет.

Впрочем, худощавый господин на носу лодки пьяным не казался и легко удерживал равновесие, поглядывая на меня из-под приставленной ко лбу ладони. Русоволосый, с короткой аккуратной бородкой, он мог сойти за преуспевающего адвоката или даже профессора, если б не та самая легкость и даже некоторая резкость в движениях. Показалось почему-то, что к кулачному бою ему не привыкать.

Его спутник был более плотного сложения и веслами работал уверенно и без малейшей натуги. Переходившие в усы кустистые бакенбарды и трубка в зубах делали гребца похожим на капитана дальнего плавания, из образа несколько выбивалась лишь толстая золотая цепь карманных часов. Купец? Очень похоже на то.

– Господа! – повысил я голос, когда лодку отделяло от острова не более десяти метров. – Право слово, неудобно об этом просить, но не окажете ли вы любезность доставить меня до берега? А то вода нынче дюже холодна. Готов сам сесть на весла!

– Вот еще! – пробурчал гребец, нервно ежась.

Его компаньон, словно извиняясь за спутника, благодушно махнул свободной рукой.

– Доставим в лучшем виде, не извольте сомневаться. Ну как не помочь соотечественнику, господин...

– Лев Борисович Шатунов, к вашим услугам, – поспешил я представиться.

– Скорее это мы к вашим, – сварливо заметил гребец.

Певец рассмеялся.

– Не слушайте этого ворчуна, Лев Борисович. Прошу на борт!

– Одну минуту!

Я спустился с кручи, но не к лодке, а на другую сторону, за оставленными на берегу туфлями. Быстро схватил их и поспешил обратно, несколько даже опасаясь увидеть по возвращении спасителей уплывающими вдаль.

Но нет, меня дождались. Из-за прибрежных камней гребец не рискнул подводить лодку прямо к острову, и мне пришлось с закатанными штанинами брести к ней по колено в воде. Но это по сравнению с заплывом через все озеро – сущие пустяки.

Певец на носу лодки, нисколько не смущаясь нового попутчика в моем лице, приложился к бутылке вина и сделал добрый глоток.

– Смелее, граф! Нас ждут великие свершения! – объявил он после этого.

Я от такого обращения чуть обратно за борт не вывалился.

– Э-э-э... граф?

Певец закатил глаза и горестно вздохнул, на помощь мне пришел гребец.

– Ну, эта шарада даже мне по плечу, – добродушно усмехнулся он. – Лев – это как Лев Толстой. А кто у нас Лев Толстой? Правильно, граф.

– Но позвольте, – не согласился я, усаживаясь на банку, – почему именно граф, а не писатель?

– Помилуйте, Лев Борисович! – охнул певец. – Ну какой из него писатель? Писатель – это, знаете ли, по велению души, чтоб до полуночи в карты, чтоб за долги главы строчить и жечь их в пьяном угаре. А граф Толстой – он и есть граф. Я бы даже сказал: графоман-с. Так-то вот.

– Не буду спорить, – хмыкнул я, кинул туфли на прикрывавшую дно деревянную решетку и принялся раскатывать штанины.

– С твоими шарадами мы совсем забыли о приличиях, – проворчал гребец, начав отворачивать лодку от острова. – Позвольте представиться: Емельян Никифорович Красин.

– Иван Прохорович Соколов, – присоединился к товарищу певец и понимающе улыбнулся: – Граф, полагаю, нам не стоит интересоваться обстоятельствами вашего появления на этом клочке необитаемой земли?

– Очень обяжете, – вздохнул я, не желая выдумывать никакой правдоподобной лжи.

– От вас ждем того же, – проворчал Емельян Никифорович.

– Вот я раззява! – хлопнул вдруг себя ладонью по лбу Соколов. – Да вы же не просто граф, а граф Монте-Кристо!

– Все, поезд ушел, – благодушно рассмеялся Красин.

– Как только мог упустить из виду остров? – продолжал сокрушаться Иван Прохорович. – Эх, старею, старею...

Налетел порыв ветра, лодку качнуло, и меня уколол легонький отголосок чужого страха. Но чужие страхи сейчас мало занимали меня; я как замороженный смотрел на корзинку для пикника, от которой исходил одуряющий запах свежей стряпни, и глотал слюну.

Оборотня проймет лишь серебро и электричество, но помимо этого над перевертышами, подобно дамоклову мечу, висят боль и голод. Боль при возвращении в человеческое обличье и нестерпимое желание набить живот всякий раз, когда организму требуется восстановить силы после обращения или исцеления.

Я был дьявольски голоден, и аромат свежей сдобы и мясного пирога просто сводил с ума. К счастью, Соколов перехватил мой взгляд и предложил:

– Угощайтесь, Лев Борисович. Да и вина испить не откажите.

– Вино на эдаком солнцепеке – это лишнее, Иван Прохорович, – отказался я от выпивки, переставив корзинку себе на колени. – Но не сомневайтесь, я компенсирую все издержки.

При падении бумажник не вылетел из кармана, и хоть банкноты за время нахождения в воде изрядно размокли, в полную негодность они прийти не успели. С учетом монет у меня набиралось без малого полсотни франков, чего хватало и на обед для трех персон, и на починку одежды. Но вот дальше...

Дальше была полная неопределенность.

– Ну как вам не совестно, Лев Борисович! – укорил меня Соколов. – Помогать попавшим в трудное положение соотечественникам – долг каждого приличного человека.

Оставалось лишь порадоваться тому, что дед выучил меня родному языку, сносно владевший русским отец не дал его позабыть, а после бегства из метрополии прошло достаточно времени, дабы закрыть лингвистические лакуны и выдавать себя за уроженца российской провинции без риска немедленного разоблачения. Акцент? Акцент – обычное дело для живущих на чужбине людей.

Я раскрыл корзинку для пикника и едва не захлебнулся слюной. Но все же приступить к трапезе не стал и поинтересовался у своих спасителей:

– Не желаете присоединиться?

Дородный гребец побледнел и поспешно отвернулся, а Соколов вновь улыбнулся.

– Емельян Никифорович, увы, не лучшим образом чувствует себя на воде. У него нет аппетита, – сообщил он и взглянул на бутылку в руке. – А я, пожалуй, ограничусь вином. Мадера восхитительна и прелестно самодостаточна!

– Развезет вас, Иван Прохорович, на эдакой жаре, – проворчал Красин, уверенно работая веслами.

Певец начал весьма пространно отвечать, но я уже не слушал его, опустошая корзинку для пикника. В итоге мясной пирог и расстегай с рыбой, кусок сыра и колечко кровяной колбасы, сдобная булка и два яблока умили мой голод, но окончательно не насытили. Хотелось чего-нибудь горячего. Желательно – первого, второго и еще десерта. И непременно крепкого сладкого чаю.

Ну а пока я перегнулся через борт, зачерпнул пригоршню воды и напился. Красина при этом явственно передернуло, его округлое лицо с массивной челюстью враз сравнялось цветом со свежей побелкой.

И я вновь уловил страх. Тягучий и мощный, рвущий нервы в такт ударам стучащих о борта лодки волн.

Емельян Никифорович панически боялся воды. Обычной озерной воды, холодной и чистой.

И это всерьез удивило. В страхах людей зачастую нет никакой логики, взять ту же агорафобию, но зачем отправляться на лодочную прогулку со столь расшатанной нервной системой?

– Боюсь, я оставил вас без ланча... – задумчиво пробормотал я, вытирая жирные пальцы носовым платком.

– Не беспокойтесь, – шумно выдохнул Красин, его стиснувшие весла пальцы побелели от напряжения, – пообедаем в ресторане.

В этот момент мы обогнули скалистый мыс, и взгляду открылась небольшая бухта, ровную гладь которой пересекали многочисленные прогулочные лодки. Кавалеры и наемные гребцы работали веслами, дамы сидели под солнечными зонтиками в безмятежной праздности. Вдоль берега протянулась длинная пристань, у дальнего ее края над озером нависала открытая веранда со столиками для тех, кто водной прогулке предпочел чашку ароматного кофе и сэндвич.

– Монтекалида! – вырвалось у меня. Бывать в этом курортном городке мне раньше не доводилось, но открывшийся вид был прекрасно знаком по почтовым открыткам. В детстве я любил рассматривать их, мечтая посетить все эти чудесные места.

– Ну да! – удивился Соколов, затыкая пробкой опустевшую бутылку. – Что-то не так? Вы будто не ожидали...

– Ничего, ничего, – поспешил я закрыть эту тему. – Все в порядке.

Посещать курортный городок, известный на весь мир своими горячими источниками, не входило в мои планы, но более удачного места для крушения было просто не сыскать: именно здесь проходила железная дорога, связавшая восточное и западное побережье Атлантиды. Если повезет, уже сегодня укачу в Новый Вавилон.

Ветер стих, волны перестали бить о борт и раскачивать лодку; Емельян Никифорович расслабился и будто бы даже уменьшился в размерах, став упитанным господином средних лет. Лишь в его движениях еще проскальзывала некая неуверенность, но это легко объяснялось необходимостью лавировать, дабы избежать столкновений с другими отдыхающими. Зачастую те выполняли крайне необдуманные, если не сказать бестолковые маневры прямо по нашему курсу.

Я встряхнул свой пиджак, за немалые деньги пошитый у одного из лучших парижских портных, и почувствовал, как от стыда начинают гореть уши. На фоне всеобщей благодати мой испорченный после пребывания в воде костюм смотрелся найденными на помойке обносками, а сам я – невесть что позабывшим на этом празднике жизни бродягой.

И как сойти в таком виде на берег?

– Не волнуйтесь, Лев Борисович, – добродушно усмехнулся Емельян Никифорович, уловив охватившее меня замешательство, – я по давней привычке прихватил с собой плащ, оставил его на пристани. Жизнь в Петрограде приучает не доверять погоде, знаете ли.

– Будете выглядеть лучшим образом, ваша светлость, – поддержал товарища Соколов.

– Светлость?! – встрепенулся я, не сразу поняв извилистую логическую цепочку собеседника. – Ах да! Лев – Лев Толстой. Лев Толстой – граф. Граф – ваша светлость.

– Именно, – наставил на меня указательный палец изрядно захмелевший Соколов. – Вы делаете успехи, граф!

Ветер переменял направление и теперь дул от берега, до нас стали доноситься обрывки мелодии, которую играл расположившийся на пристани оркестр. Я прислушался и узнал ставший необычайно популярным в последнее время «Цветочный танец» Кейти Мосс.

Под плеск волн о причал лодка уткнулась в доски, и Соколов первым перепрыгнул на пристань. Я принял у него цепь, передал ее грузно поднявшемуся на ноги Емельяну Никифоровичу и тоже покинул лодку. Мне было чертовски неуютно находиться на всеобщем обозрении в рваном костюме, и все же я обратил внимание, с каким облегчением последовал за нами Красин. Нет, никаких ошибок – его совершенно точно страшила близость воды.

Но к чему тогда прогулка по озеру? Решительно не понимаю.

Емельян Никифорович зашагал напрямик к кассам, мы двинулись следом. Соколов шел легкой походкой записного гуляки; я старался держаться позади него, напряженный, будто струна, в ожидании косых взглядов и ухмылок.

– Расслабьтесь, граф! – посоветовал Иван Прохорович. – Это же Монтекалида! Здесь если в луже лежит пьяница, еще неизвестно – бродяга это или модный

поэт, а то и цельный драматург!

Я кивнул и постарался успокоиться.

Все верно: курортный городок как магнитом притягивал представителей богемы, особенно в летнюю жару, когда оставаться в задымленном Новом Вавилоне уже не было никаких сил. Впрочем, ехали на воды со всей империи и даже из колониальных штатов Нового Света. Альберт Брандт всегда говорил, что здесь – уникальная атмосфера...

Тут я привычно поморщился. Прошло больше года с тех пор, как мы виделись с поэтом последний раз, но всякий раз при воспоминании о нем душу начинала крутить ноющая тоска. У меня было не так много друзей, чтобы безболезненно пережить разрыв с любым из них. Если начистоту, у меня, наверное, и друзей-то больше не было, кроме Альберта.

Емельян Никифорович перекинулся парой слов с кассиром, и тот выдал ему длинный серый плащ. Я надел его и в целом остался доволен: пусть одеяние и оказалось слегка узковато в плечах, а ниже просторно болталось, но зато почтенная публика перестала одаривать меня то презрительно-удивленными, то удивленно-сочувственными взглядами.

– Коротковат, – отметил Соколов. – Вы, Лев Борисович, не граф, а просто король-пугало!

– Бросьте, Иван Прохорович, – одернул его Красин, доставая из кармана пачку папирос. – Отлично смотрится!

Но рукава и в самом деле были слегка коротковаты, запястья торчали из обшлагов, словно палки того самого пугала, с которым меня сравнил Соколов.

– Найдем извозчика? – предложил Емельян Никифорович, закулив.

– Бросьте свои барские замашки, господин рабовладелец, – отказался Соколов. – Идемте до электрической конки. Я знаю неплохой магазин готового платья здесь неподалеку. – И он обратился ко мне: – Или граф предпочтет обратиться к портному?

– Боюсь, костюм починить не получится, а я не могу позволить себе ждать, пока сошьют новый, – вздохнул я, решив до поры до времени не интересоваться обращением «рабовладелец».

Ивана Прохоровича отличала склонность к ассоциативному мышлению, изгибы его логики ставили меня в тупик. Как и он сам: не получалось определить его профессиональную принадлежность или хотя бы социальный статус. Но младшим компаньоном «господина рабовладельца» он не был совершенно точно. Слишком вольно держал себя с товарищем.

– В путь, господа! – позвал нас Соколов и по узенькой улочке зашагал прочь от лодочной пристани.

Навстречу нам спешили нарядные отдыхающие; покрасневший от натуги продавец в матросской шапочке прокатил подпрыгивавший на неровной брусчатке ящик с мороженым; рыскал от одного зеваки к другому разносчик газет. Жизнь в курортном городке была ключом.

Миновав два дома, мы вышли на широкий бульвар, в глаза сразу бросилась театральная тумба с яркой афишей. На фоне местного амфитеатра были изображены Карузо и Шаляпин. Подробности разобрать не успел: в конце улицы раздалось несколько отрывистых звонков, и сразу из-за поворота вывернул кативший по железным рельсам самоходный вагон.

– Не отстаем, господа! – ускорил шаг Соколов.

Красин глубоко затянулся и кинул окурок в урну; я придержал рукой развевающиеся полы плаща и поспешил вслед за спутниками.

Опоясывавшая город линия электрической конки, едва ли не самая старая в мире, считалась второй достопримечательностью Монтекалиды после термальных вод. Сине-белые вагоны были запечатлены на бесчисленном количестве почтовых открыток и марок. Появление столь странного для курортного места средства передвижения связывали с гидроэлектростанцией, выстроенной в горах самим Максвеллом, который провел здесь последние годы своей жизни.

Вагоновожатый сбросил скорость, конка остановилась, и ее покинули полтора десятка курортников. Мы без всякой спешки прошли в вагон, оплатили проезд кондуктору в форменной черной тужурке и фуражке с начищенным козырьком и заняли сидячие места.

Раздался звонкий щелчок, контактная сеть сверкнула электрическими искрами, и вагон тронулся с места. Нас легонько качнуло, а потом вагон набрал скорость и колеса размеренно застучали на стыках рельс.

Больше всего меня поразило полное отсутствие дыма. Горный воздух был невероятно прозрачным, дышалось им на удивление легко.

Вагон проехал мимо городского сада, на щит у ворот которого расклейщик прилаживал объявление о вечерней лекции на тему «Обитаемы ли планеты?». Солнце палило из всех своих солнечных сил, раскаляя брусчатку и прогревая горный воздух; к будке с газированной водой выстроилась целая очередь. От яркого света даже заслезились глаза. Я поморщился и отвернулся от окна, решив при первой же возможности купить темные очки. Без них – совсем никак...

– Выходим, – предупредил нас Соколов и прямо на ходу ловко спрыгнул с задней площадки на мостовую, словно и не выпил незадолго до этого бутылку крепленого вина.

Я соскочил следом и немного даже пробежался, дабы сохранить равновесие. Красин последовал за нами, и мы вошли в узенький переулок между двумя трехэтажными домами с мансардами, предназначенными для сдачи внаем отдыхающим. Над головами тянулись бельевые веревки, вяло трепыхались на ветру наволочки, полотенца и чулки.

Долго идти не пришлось, только повернули на соседнюю улицу и оказались на месте. Вывеска магазина готового платья обнаружилась на первом этаже углового особняка.

Обычная тихая улочка; выгоревшие на солнце навесы, кафе с пыльной витриной, рядом – цирюльня и ломбард с забранными решетками прорезями окон. Где-то неподалеку тявкнула собака, простучал за домами железными колесами вагон электрической конки. На перекрестке парнишка с газетами выкрикивал новости,

привлекая внимание прохожих.

– А мы, граф, подождем вас там! – указал Соколов на уличные столики кафе напротив. – Неплохое местечко, – сообщил он нам. – Душевное.

– Да это же я тебе его показал! – возмутился Емельян Никифорович.

– Так и есть, – улыбнулся Иван Прохорович. – Но на магазин готового платья, друг мой, ты внимания не обратил, так?

Красин только фыркнул и полез за бумажником.

– Лев Борисович, ссудить вас деньгами? – предложил он.

– Благодарю, не стоит, – отказался я в надежде использовать просохшие ассигнации и снял плащ. – И за одежду тоже благодарю. Просто выручили.

– Пустое! – отмахнулся Емельян Никифорович, перекинул плащ через руку и зашагал к Соколову, уже занявшему столик на тротуаре.

– Газеты! Господа, покупайте газеты! – подошел к уличному кафе парнишка с пухлой сумкой. – Бои в Рио-де-Жанейро! Волнения в Индии! Очередная вылазка тугов – душителей Кали!

Емельян Никифорович купил свежий выпуск «Атлантического телеграфа», Соколов ничего брать не стал. Я тоже покачал головой и толкнул дверь магазина. Над головой звякнул колокольчик, и одутловатый приказчик поспешил выйти из-за прилавка в зал.

– Чем могу помочь? – заученно улыбнулся он, не обратив внимания на мой порванный костюм. Точнее, усиленно делая вид, будто не обращает внимания.

Я с отвращением оттянул и отпустил лацканы пиджака.

– Нужны костюм-тройка, нижнее белье и сорочка.

В лавке пахло шерстью и пылью, рядами висели костюмы, различавшиеся лишь цветом материи и размерами. Сама мысль о том, что после пошитой на заказ одежды придется вновь одеться в подобное убожество, вызвала изжогу.

Или просто еда в корзинке для пикника испортилась на жаре?

Приказчик смерил меня наметанным взглядом и достал сантиметр.

– Это будет непросто, – объявил он, снимая мерки, – но что-нибудь обязательно подберем. Замерив рост, ширину плеч, длину ног и рук, он побродил между вешалок и вынес темно-серый костюм.

– Это совсем не то, что было у вас раньше, – сказал приказчик, словно извинялся за ассортимент магазина, – но костюм требуется срочно, правильно понимаю? Раз уж вы обратились к нам...

– Все верно, – подтвердил я.

– Тогда прошу в примерочную! И вот еще сорочка, а белье, увы, не держим...

В отгороженной ширмой закутке я выложил на полку нож, расческу, золотые запонки, звякнувший монетами бумажник и жестяную коробочку леденцов, избавился от старого костюма и переоделся. Сорочка оказалась впору, ее рукава доходили до костяшек больших пальцев, а вот пиджак хоть и сидел как влитой, но ощутимо давил в плечах. Требовалось сохранять определенную осторожность, дабы он не разошелся по швам. В брюки я продел собственный ремень, они оказались впору, их стоило лишь самую малость укоротить.

– Ну, что скажете? – с интересом повернулся ко мне приказчик.

– Пиджак узковат в плечах, – сообщил я.

– Увы, ничего более подходящего подобрать не получится, – развел руками продавец.

– И надо подшить брюки.

Приказчик отметил мелком нужную длину и указал на стул за ширмой.

– Можете подождать здесь.

Я отдал ему брюки и остался в новой сорочке, жилетке и кальсонах. В задней комнате немедленно застрекотала швейная машинка.

В одиночестве я пребывал недолго, вскоре продавец вернулся и откровенно замялся, не зная, с чего начать разговор.

– Это, конечно, не мое дело, но... – вымолвил он, сбился, махнул рукой и сходил за зеркалом. – Позвольте, просто покажу. Вот, смотрите сами...

Я повернул голову и едва удержался от проклятия, разглядев сожженные на затылке волосы. Сразу вспомнилось, как заглянул в охваченную пламенем рубку дирижабля. Даже кровь к щекам прилила из-за осознания того, что разгуливал в подобном виде по городу.

Стыд и срам!

И эти двое... Могли бы и предупредить!

Раздражение быстро улеглось; в конце концов, никто не нанимался мне в няньки. И рваный костюм был куда большей проблемой, нежели сожженные волосы.

Прическа, к слову, была испорчена безвозвратно – среди подпалин проглядывала голая кожа.

– Могу послать кого-нибудь за цирюльником, – услужливо предложил приказчик.

– Будьте добры, – не стал отказываться я.

Вскоре принесли подшитые брюки, и я оделся, но покидать магазин не стал – появляться на улице с опаленными волосами категорически не хотелось. Уж лучше дождусь цирюльника.

– Сколько с меня? – спросил я, раскрывая бумажник.

– Двадцать пять франков, – ответил приказчик, заглянув в учетную книгу.

Сумма вышла весьма немалая даже по столичным меркам, и я внутренне поморщился, но торговаться не стал и выложил на прилавок пару красных десяток с портретом Леонардо да Винчи и присовокупил к ним синюю купюру с Александром Вольтой. Тут пришла очередь приказчика морщиться: пусть банкноты и успели просохнуть, но вид имели весьма подозрительный.

Впрочем, принял их продавец без единого вопроса. Он еще убирал деньги в кассу, когда распахнулась дверь и к нам присоединился невысокий усатый цирюльник в белом переднике. В одной руке у него был кожаный саквояж, в другой – свернутая простыня.

– Кого стричь? – спросил мастер с явным континентальным акцентом, заметил меня и принялся выстреливать фразами как из пулемета: – А! Вы! И что у вас? Покажите. Повернитесь к свету. О! Да неужели? Вот это да! Вам очень повезло, моншер, огонь затронул лишь затылок. Но придется убирать опаленные волосы. Выходить в таком виде на улицу – моветон!

– Что вы предлагаете? – попытался я заткнуть фонтан его красноречия, но безуспешно.

– Садитесь! Садитесь! – потребовал коротышка и принялся ходить вокруг. – Поразительно! Еще и сбоку подпалина! Нет, виски в таком виде оставлять нельзя. Не получится, даже не просите. А вот сверху убирать ничего не надо. Не волнуйтесь, моншер, сделаю все в лучшем виде!

– Что сделаете? – с трудом вставил я в этот рваный монолог свой вопрос.

Цирюльник накинул на меня простыню, подоткнул за воротник и отступил на шаг назад.

– А какие варианты? – хмыкнул он, осматривая меня со стороны. – Вас спасет только андеркат. Очень модная стрижка... в определенных кругах.

Я беззвучно выругался. По работе в полиции мне частенько приходилось наблюдать на неблагополучных окраинах стриженных подобным образом молодых людей, и походить на одного из этих пронырливых типов не хотелось совершенно.

– По-другому никак? – спросил я в надежде на чудо.

Коротышка оправил пышные усы и вздохнул.

– Моншер, – обратился он ко мне будто к несмысленному ребенку, – у вас сожжена половина затылка и опален левый висок. Я могу просто подровнять волосы, но выглядеть результат будет просто похабно. Я ценю свой труд и уважаю клиентов, мне претит марать руки подобной халтурой. И не волнуйтесь, никто не собирается превращать вас в карикатурный шарж с последних страниц «Столичных известий», все будет... очень стильно. Вам понравится.

Я пожал плечами и разрешил:

– Приступайте.

Цирюльник кивнул и принялся за дело. Сначала он остриг затылок и виски, затем подровнял верх, зачесал волосы набок и увлажнил гелем.

– Вуаля! – передал он мне зеркало.

В зеркале отражался... не я. Ну, почти не я. И без того резкие черты лица с новой прической еще более заострились, и выглядел я, словно стригся подобным образом с юных лет. Головорез из неблагополучного района? Что ж, пусть будет так.

Опытный физиономист без всякого сомнения опознал бы во мне Леопольда Орсо, равно как и Льва Шатунова, но простого обывателя изменения вполне могли сбить с толку. И это было не так уж и плохо. Точнее, даже хорошо.

Я повертел головой из стороны в сторону и решил, что в определенной степени новая стрижка мне даже нравится. Теперь я буду выделяться из толпы даже

без своего модного костюма. Как говорится, дешево и сердито.

Сердито? Да, вид у меня и в самом деле был определенно недобрый.

Цирюльник убрал простыню и несколько раз пшикнул одеколоном. Я поднялся со стула и встал у ростового зеркала, оглядел себя со стороны и кивнул. Неплохо.

– Ну как, моншер? – обратился ко мне цирюльник, убирая инструменты в саквояж.

– Лучшего и ожидать было нельзя, – признал я и в порыве неоправданного мотовства протянул ему последнюю пятифранковую банкноту. Теперь у меня в кошельке оставалась лишь мятая десятка да несколько монет. – Вы мне очень помогли.

Но только направился на выход, меня окликнул приказчик.

– Господин! – встрепнулся он. – Ваш старый костюм!

– Выкиньте! – распорядился я и вышел на улицу. Постоял на тротуаре, наслаждаясь легкими дуновениями ветерка, достал жестяную коробочку, сунул в рот обвалянный в сахарной пудре леденец.

Мои спасители сидели за уличным столиком кафе, я не стал подходить к ним и заглянул в ломбард с отгороженной железной решеткой витриной, где среди выставленных на продажу ювелирных украшений лежало несколько карманных пистолетов и револьверов. Оценив расценки на золотые безделушки, запонки я не стал даже предлагать и сразу расстегнул браслет хронометра.

– Сколько?

Хмурый оценщик принял часы и первым делом взвесил их, затем через вставленный в глазницу окуляр оглядел клеймо, открыл заднюю крышку, сразу защелкнул ее и безапелляционно объявил:

– Тридцать франков.

– Сколько?! – решил я, будто ослышался.

– Тридцать.

– Да как так?! Золотой корпус, золотой браслет! Чистого металла – сорок граммов! Даже если за полцены, как лом в заклад брать, шестьдесят – семьдесят франков выйдет!

Оценщик выложил хронометр на прилавок и повторил:

– Тридцать франков.

– Наручные часы! Хронометр! Календарь! Меньше пятидесяти и разговаривать не о чем! – возмутился я. – Да если не выкуплю, их за полторы сотни с руками оторвут!

Мужичок поковырял меж неровных зубов заточенной спичкой и усмехнулся:

– Можно подумать, ты их покупал. Тридцать франков.

«Покупал!» – хотел рявкнуть я, но сдержался. Высокий и крепкий, характерная стрижка, недорогой костюм. И бесцветные глаза никакой роли не играют, мало, что ли, среди сиятельных головорезов? Ясно и понятно, откуда у такого типа золотые часы.

И если этим утром я легко мог выручить за хронометр и сотню франков, то теперь мой потолок – жалкая тридцатка.

Проклятье! Я так на них рассчитывал! Покупал с мыслью иметь при себе золотой запас на самый крайний случай, а в результате мне просто смеются в лицо!

Вернув часы на запястье, я защелкнул застежку браслета и достал бумажник. Выудил из него двухфранковую монету и раздраженно припечатал к прилавку.

– Будьте любезны, – указал я на затесавшиеся среди ювелирных украшений очки с круглыми черными линзами, напоминающие окуляры слепцов.

– Держите.

Нацепив очки на нос, я подошел к окну и выглянул на улицу. Линзы оказались сильно затемнены, и яркий солнечный свет наконец перестал резать глаза.

– Беру! – решил я.

– Да, пожалуйста, – лязгнул в ответ скупщик кассой.

Я покинул ломбард и направился к своим новым знакомым. Иван Прохорович, к моему удивлению, вместо вина заказал кофе; перед ним стояли пустая чашка и блюдце с оставшимися от круассана крошками. Емельян Никифорович грузно развалился на стуле, уткнулся в газету и курил.

Соколов первым обратил внимание на мой претерпевший изменения внешний вид и расплылся в широкой улыбке.

– Оригинально! – развел он руками. – Я намеревался рекомендовать вам купить шляпу, но, вижу, вы решили проблему самым кардинальным образом. Практически разрубили гордиев узел! Ваше второе имя, случаем, не Александр?

– Перестань, – попросил его из-за газеты Емельян Никифорович. – Ты так совсем запутаешься в именах и запутаешь меня.

– Пообедаем? – предложил я, потянув воздух носом.

– Ну не здесь же! – охнул Соколов и поднялся из-за стола. – Емельян Никифорович, идемте!

– Сейчас, сейчас, – отозвался тот, вдавил папиросу в пепельницу и принялся сворачивать газету.

– Да выкинь ты эту гадость! – посоветовал Иван Прохорович, погладив свою короткую шкиперскую бородку. – Что за манера портить себе аппетит чтением прессы?

– Мне интересно, что происходит в мире! – возмутился Емельян Никифорович. – Я же не читаю светскую хронику!

– И что нынче на первых полосах газет? Какие события?

– Все как обычно. – Красин нацепил на макушку канотье, а плащ накинул на согнутую в локте руку. – Война с ацтеками, стычки на Иудейском море, да еще бубонная чума и беспорядки в Индии. Полный набор.

– Не всех тугов еще переловили? – усмехнулся я. – Поразительно.

В последнее время душители Кали не сходили с первых страниц газет. Уничтоженная в прошлом веке англичанами секта почитателей богини смерти неожиданно для всех воспрянула из небытия, и фанатики-убийцы с удручающим постоянством отправляли на тот свет имперских чиновников, солдат колониальных войск и клерков Всеиндийской компании. А уж сколько было убито и закопано в неглубоких ритуальных могилах местных жителей, никто даже не считал.

Ивана Прохоровича мое замечание откровенно развеселило.

– Переловили? – всплеснул он руками. – О чем вы, граф? Если уж полковнику Слиману с его не ограниченными ни нормами права, ни рамками морали полномочиями не удалось выжечь заразу до конца, то что говорить о его нынешних коллегах? У них нет ни единого шанса!

– Ну, Индия и душители далеко! Где мы будем обедать, вот что меня сейчас интересует! – поспешил я отвлечь спутников от обсуждения последних новостей и перевести разговор на куда более актуальную для себя тему.

– Как где? В «Тереме», разумеется! – рассмеялся Иван Прохорович.

– В «Тереме»?

– Не слышали? Это русский ресторан, все наши там собираются.

– Как скажете.

Мы зашагали по улице, и Соколов не преминул вернуться к прежней теме.

– Емельян Никифорович, а вот ответьте: вся прогрессивная общественность по-прежнему требует дать индусам независимость? – не слишком-то вежливо толкнул он товарища в бок локтем.

– Не без этого, – подтвердил Красин.

– Ничего в этой жизни не понимаю! – покачал головой Иван Прохорович. – Ну что за люди такие? В последнюю войну поздравительные телеграммы императору Поднебесной отправляли, теперь за душителей вступаются. Как так можно?

– В первую очередь, они ратуют за объективность. Призывают не повторять ошибок прошлого и не грести под одну гребенку, – рассудительно отметил Емельян Никифорович. – Если человек индус, он не обязательно душитель. Презумпция невиновности...

– Брось! – отмахнулся Соколов. – Индусы как тараканы. Они повсюду! Да еще умудряются своей мистической ерундой пудрить мозги цивилизованным людям. Теперь уже и англичане среди почитателей Кали попадают! Англичане, французы и голландцы! Можете себе представить?

Я мог, но не хотел. Хотел есть. Поэтому огляделся по сторонам и озадаченно спросил:

– Как вы здесь только ориентируетесь?

– Бросьте, граф! Заблудиться в этом городе невозможно! – уверил меня Соколов. – Он весь окружен линией электрической конки и нарезан на районы радиальными бульварами, словно неаполитанский круглый пирог...

– Пицца, – подсказал Красин.

У меня заурчало в животе.

– Именно пицца! Все радиальные дороги ведут к площади Максвелла, – подтвердил Иван Прохорович и махнул рукой. – Она там. Не промахнетесь.

Я посмотрел в указанном направлении и обратил внимание на висевший над городом дирижабль.

– Кто-то на воды прилетел? – пошутил я, озадаченно потирая свежевыбритый затылок.

– Что? – проследил за моим взглядом Соколов. – Нет, это какой-то нувориш из Нового Света взялся финансировать реконструкцию амфитеатра. На днях состоится открытие, поэтому цены на проживание растут как на дрожжах!

Меня это известие оставило равнодушным, поскольку задерживаться в городе я не собирался. Пообедаю, дабы хоть немного унять резь в животе, и отправлюсь напрямиком на вокзал.

– Не нувориш, а миллионер и меценат, – укорил товарища Емельян Никифорович. – Уж поверь, перестройка амфитеатра влетела ему в копеечку!

– Нет, это ты мне поверь! – вспыхнул Соколов. – Отобьет свое на рекламе с лихвой! Подобная публика в убыток себе ничего не сделает. Капиталисты...

– Давай не будем ссориться, – мрачно глянул в ответ Красин. – К тому же мы уже пришли.

И в самом деле: на фасаде двухэтажного особняка красовалась яркая вывеска: «Терем». Перед высоким гранитным крыльцом дожидались клиентов сразу несколько открытых колясок, а на входе гостей встречал слуга в синей поддевке, жилете и заправленных в начищенные ваксой сапоги штанах.

Моих спутников слуга знал и поспешно распахнул перед нами дверь. Емельян Никифорович задержался сунуть ему в руку мелкую монету.

Внутри оказалось шумно. Просторный зал с пальмами в кадках вдоль стен и огромной люстрой под потолком был наполнен гомоном голосов; играла музыка, кто-то пытался декламировать стихи. На глаза попало несколько

свободных столов, но Иван Прохорович повел нас на второй этаж. Там было не так многолюдно.

– Франция – это просто какой-то кошмар, господа! – объявил собутыльникам статный молодой человек с пышной шевелюрой вьющихся волос. – Грязь! Физическая и, что еще страшнее, духовная!

Мы прошли мимо к свободному столу, и тогда Соколов небрежно бросил:

– Шлак!

Я обернулся и присмотрелся к столь нелюбимо охарактеризованному им господину.

– От слова «шлакоблок», надеюсь? – спросил после у Ивана Прохоровича. – Не в плане оценки творчества?

Мои спутники рассмеялись.

– А вам, граф, палец в рот не клади! – покачал головой Соколов. – На ходу подметки режете!

Подошел официант, принес меню на русском.

– Чего изволите-с? – поинтересовался он.

За последний год я изрядно подтянул свое знание языка, поэтому в написанных кириллицей названиях не путался. Заказал тарелку ухи, черный чай и большую сковороду жареной картошки. Мог бы умять за один присест и целого поросенка в яблоках, помешала развернуться ограниченность в средствах.

Соколов остановил свой выбор на сибирских пельменях и соленьях, к ним велел принести графин водки.

– Только холодной, – предупредил он. – Не как в прошлый раз. Пить невозможно было.

– Возьмем с ледника-с, – уверил его халдей.

Красин, тяжело отдуваясь, вытер платком покрасневшее лицо и ткнул пухлым пальцем в строчку с супом-пюре.

– Соленый арбуз и хлебную корзинку? – уточнил официант.

– Неси, – махнул рукой Емельян Никифорович и повернулся ко мне: – Лев Борисович, не просветите нас, чем зарабатываете на жизнь? Не считите за назойливость, просто это самый верный способ завязать разговор.

– Я не зарабатываю, я трачу, – нейтрально улыбнулся я. – Трачу матушкино наследство, путешествую по миру, смотрю новые страны, знакомлюсь с людьми...

– Это дело, – одобрительно кивнул Соколов. – А вот нам с Емельяном Никифоровичем приходится в поте лица на хлеб насущный зарабатывать.

– В поте лица – это про меня, – возразил Красин. – Вы же, Иван Прохорович, как попрыгунья-стрекоза, с места на место перелетаете.

– Ну, потею точно меньше вашего, – огладил русую бородку Соколов. – А что бегать приходится – так работа такая. Нашего брата ноги кормят. – Он повернулся ко мне и официальным тоном объявил: – Соколов Иван Прохорович, специальный корреспондент ряда ведущих российских газет и журналов. Помимо этого, публикую фельетоны под псевдонимом Голый король.

– Гол как сокол? Это от фамилии? – догадался я и потер подбородок. – Вот насчет короля не уверен. Что-то от Ивана к Цезарю?

– Два сапога пара, – фыркнул Емельян Никифорович. – Вам друг с другом точно скучно не будет.

– И какими судьбами здесь? – вежливо поинтересовался я. – Поправляете здоровье?

– Если бы! – горестно вздохнул Соколов. – На службе! – Он снял пробку с принесенного графина, налил себе стопку водки, потом зачем-то плеснул немного в чайное блюдечко и поинтересовался: – Лев Борисович, по маленькой?

– Пожалуй, воздержусь, – отказался я, с нескрываемым удивлением наблюдая за манипуляциями Красина, который положил в блюдце с водкой ломоть белого хлеба. – Жарко сегодня.

– Тут всегда жарко, – уверил меня Иван Прохорович. – Жарко, и не протолкнуться от известных личностей. А уж на открытие амфитеатра и вовсе весь бомонд собрался. Ожидается даже ее императорское высочество, слышали?

– Нет, – ответил я, нервно вздрогнув. Пересекаться со своей венценосной родственницей и тем паче ее окружением не хотелось абсолютно.

Обедаю – и сразу на вокзал. Без промедления.

Только вот не станут ли меня ждать именно там? Или даже не меня, а погибшего стюарда? Ведь он, без сомнения, намеренно выгадал время поджога, чтобы после прыжка с парашютом приземлиться в окрестностях Монтекалиды и укатить отсюда по железной дороге. Могут его встречать, могут.

Я погрузился в напряженные раздумья и едва не пропустил рассказ Соколова о причинах его пребывания в курортном городе.

– И вот меня посылают сюда светским обозревателем, – объявил Иван Прохорович, – а суточных выделяют – с гулькин нос. Не поверите, скоро начну милостыней побираться.

– Вашему брату к этому не привыкать, – сварливо отметил Емельян Никифорович, переворачивая хлеб. – Многие так и вовсе нормальным полагают сначала в газете человека грязью облить, а потом у него же на водку целковый занять.

На виске Соколова задергалась жилка, но он сдержался.

– У кого занимать-то? – криво ухмыльнулся репортер. – Творческий люд вечно без копейки сидит, это вам лучше меня известно.

– Известно, – подтвердил Красин и повернулся ко мне: – Лев Борисович, я в некотором роде литературный скаут.

– Рабовладелец, – вставил Соколов. – Писателей да поэтов поглавно и построчно скупает и перепродает. Проиграется бедолага в карты, а тут – Емельян Никифорович с людоедским предложением. Ну как ему отказать?

– Не преувеличивайте, – отмахнулся Красин, взял вымоченный в водке ломоть, разломил надвое и отправил в рот. – Ваше здоровье...

– Ваше! – Иван Прохорович отсалютовал ему стопкой и выпил водку.

Я отпил чая.

– Лев Борисович, вижу немой вопрос в ваших глазах, – усмехнулся Емельян Никифорович. – Я, видите ли, в некотором роде боюсь воды.

– Бешеный, – беззвучно рассмеялся Соколов, намекая на второе название бешенства – «водобоязнь».

– Совсем не пьете? – уточнил я.

– Совсем, – кивнул Красин, подцепил на вилку соленый груздь и отправил его в рот. Пожал плечами и принялся аккуратно нарезать на кусочки арбуз. – Привык уже, – спокойно произнес он после недолгого молчания. – Ем супы, восполняю недостаток влаги фруктами. Арбузы вот почти полностью из воды состоят. Но это – на закуску, а пару ломтей свежего съел – и хорошо.

Я не стал интересоваться обстоятельствами, приведшими к столь необычному выверту психики, спросил о другом:

– Но, Емельян Никифорович, что же тогда вы делали на озере?

Красин мрачно глянул на Соколова. Тот рассмеялся.

– Клин клином, граф! Клин клином! Это же элементарно! – объявил он. – Право слово, я был уверен, что прогулка по озеру легко избавит нашего дорогого Емельяна Никифоровича от его столь неудобной фобии. Вы даже не представляете, сколько усилий ушло, чтобы завлечь его на лодочную станцию!

– Карточный долг – это святое, – произнес Емельян Никифорович, с мрачной миной отправил в рот вторую часть пропитанного водкой ломтя и махнул рукой. – Наливай!

Я быстро расправился с ухой и отпил чая. Голод отступил, но лишь немного, поэтому, когда принесли жареную картошку, я постелил на колени салфетку и принялся набивать живот, абсолютно не интересуясь, насколько благовоспитанно это смотрится со стороны.

Бренчавшая уже какое-то время на первом этаже балалайка смолкла, заиграл оркестр. Отправлявший в себя рюмку за рюмкой Соколов быстро хмелел. Красин со своим смоченным в водке хлебом от него не отставал и, когда в очередной раз начали исполнять «Маруся отравилась», вдавил окурок папиросы в блюдце и решительно поднялся из-за стола.

– Закажу нашу, купеческую, – объявил он и зашагал к лестнице.

Я посмотрел на часы и поднялся следом, доставая бумажник.

– Пожалуй, мне пора.

На улице уже порядком стемнело, в ресторане включили главную люстру, но на втором этаже табачный дым продолжал плавать в легком полумраке, сюда свет особо не доставал.

– Стойте, граф! Стойте! – всполошился Соколов, который уже отчаялся всучить мне рюмку водки. – Сейчас вернется Емельян Никифорович, и мы покажем вам удивительное место, просто потрясающее!

– Не стоит, – отказался я и выложил на стол последнюю десятку.

Но уйти не успел. Внизу затянули: «Эх, полным-полна моя коробочка», и вернулся Емельян Никифорович.

– Собираетесь? – спросил он и кивнул: – Да и мы пойдем, пожалуй.

Мы расплатились и покинули ресторан. Новые знакомые намеревались продолжить вечер в одном чудесном, просто замечательном, как хором уверяли они, игорном заведении неподалеку, мне же идти никуда не хотелось. Голод отступил, вернулась ясность мысли. Я вдруг понял, что ничего толком не знаю о своих спутниках, а кутить всю ночь напролет со случайными людьми – занятие не самое благоразумное.

Всюду зажигали газовые фонари, но, когда мы свернули с боковой улочки на один из «радиальных» бульваров, тот оказался погружен в темноту, лишь ближе к площади разливалось меж домами сияние электрических ламп. Газовое освещение меняли на электрическое, старые светильники уже скрутили, а на их место повесили новые и даже протянули провода, но напряжение подать не успели. К одному из столбов была приставлена лестница, забравшийся на нее рабочий крепил под плафоном тарелку громкоговорителя. На дороге стояла самоходная коляска с открытым кузовом, где лежали инструменты, запасные динамики и скрученные газовые фонари; рядом курил шофер.

Мы дошли до освещенного тротуара, и там я окончательно решил, что не хочу ни в какой игорный дом. Следовало добраться до вокзала и справиться насчет билетов до Нового Вавилона, а не коротать ночь за игрой в карты.

Мне лишь требовался благовидный предлог ретироваться, и я получил его, когда мы проходили мимо варьете «Три лилии». Поначалу взгляд зацепился за броскую афишу с овалом белой физиономии мима и надписью: «Невероятный Орландо», но она недолго занимала меня. Куда интересней показался рисунок девушки в экзотическом полупрозрачном одеянии, в тюрбане и с закрытым восточным платком лицом, которую художник изобразил с немалых размеров удавом. На плакате с другой стороны входа мелькали задранные ноги, пышные юбки и цветастые наряды танцовщиц кордебалета.

– Господа! – остановился я. – Премного благодарен за спасение, но вынужден вас оставить. Честно признаюсь, не слишком уважаю карточные игры, лучше полюбуюсь на красоток.

Мои спутники переглянулись.

– Эх, молодость! – протянул Емельян Никифорович, доставая пачку папирос.

– Одни девицы на уме, – поддакнул ему Иван Прохорович.

Но ни отговаривать меня, ни менять свои планы товарищи не стали.

– Лев Борисович, не передумаете? – лишь обернулся Соколов, когда я поднялся на крыльцо и остановился в надежде, что не придется даже заходить внутрь.

Я помахал на прощанье рукой и открыл тугую дверь. В коридоре царил полумрак, через перегородившую проход занавесь доносилась быстрая зажигательная мелодия.

– Вход пять франков! – объявил крепкого сложения швейцар с черной бородой до середины груди.

– Сколько? – опешил я. – С какой стати такие расценки, любезный?!

– Сегодня выступает Черная Лилия, – пояснил мужик. – Экзотическая и таинственная танцовщица со змеями, жрица Кали. Слышал о такой?

– Нет, – сознался я, но бумажник все же достал. Что-то в рисунке не дало развернуться и уйти, непонятно откуда возникло желание увидеть танец вживую. К тому же мои новые знакомые после сытной трапезы шагали очень уж неторопливо, еще не хватало столкнуться с ними на улице.

Пришлось достать из бумажника пять франков и вручить их швейцару.

– Милости просим, – ощерился тот неровной из-за сколотых и выбитых зубов улыбкой.

Наверняка был здесь еще и за вышибалу.

С необъяснимым любопытством – будто раньше в варьете не бывал! – я отодвинул занавесь и прошел в зал. Вдоль одной стены протянулась длинная стойка, за ней маячил высокий смуглый бармен в тюрбане – то ли настоящий индус, то ли крашенный по случаю представления местный работник. Все столы оказались заняты, фривольно одетые официантки разносили закуски и напитки. Часть зрителей выстроилась вдоль стен, к этим посетителям я и присоединился, вполглаза наблюдая за красотками из кордебалета, задиравшими на сцене стройные ножки и трясшими пышными белыми юбками.

Понемногу закралось подозрение, что швейцар облапошил меня как последнего простака, но воспоминание об искусном рисунке девушки со змеей успокоило и заставило не делать поспешных выводов.

В зале оказалось жарко, сильно пахло одеколоном и табачным дымом. В горле моментально пересохло, захотелось пить. И дело было не только в духоте и пересоленной картошке, поданной в русском ресторане. Как ни крути, фривольный танец дюжины симпатичных девиц не мог не найти вполне понятного отклика; мне даже захотелось улизнуть из заведения через черный ход. Но тут музыка смолкла и танцовщицы убежали за кулисы, а на смену им вышел нарумяненный конферансье в клетчатом пиджаке, ярко-синей сорочке и вульгарной бабочке – розовой, с перламутровыми блестками.

– Леди и джентльмены! – объявил он, неожиданно легко перекрыв разговоры зрителей. – Встречайте наших очаровательных и совсем-совсем неопасных мумий! Еще недавно они танцевали при дворе фараона, а теперь готовы ублажать ваш взор своим невероятным мастерством!

Конферансье неожиданно проворно соскочил со сцены, и сразу потускнел свет висевшей под потолком люстры. На фоне черного бархата занавеса возникли две белые фигуры. Оркестр заиграл незнакомую мелодию, и танцовщицы, с ног до головы замотанные в полосы бинтов, принялись в меру своего умения и понимания изображать египетский танец.

Зрители смотрели за ними, затаив дыхание. И немудрено! Никакой другой одежды, кроме намотанных в несколько слоев бинтов, на стройных девицах не было вовсе, в просветах ткани белела обнаженная кожа. Мне окончательно стало нехорошо.

К счастью, затем на сцену вышли исполнители степа, коих представили известными танцорами из Нового Света, но цвет их кожи объяснялся, скорее, ваксой, нежели естественной чернотой. Дальше выступал персидский глотатель огня, за ним – китайские акробаты, а следом – факир, укротитель змей.

Смуглый старик в цветастом индусском одеянии сел на тростниковую циновку, скрестил ноги и принялся тихонько наигрывать заунывную мелодию на флейте со странным утолщением посередине; в зале сразу наступила тишина. Обычный холщовый мешок перед укротителем вдруг зашевелился, и наружу высунулась змеиная голова. Никакого обмана – это была самая настоящая кобра. Она раскачивалась из стороны в сторону и грозно раздувала капюшон, позволяя разглядеть напоминавший очки узор.

Конферансье проявил к ней боязливое почтение и поднялся на сцену лишь после того, как старый факир завязал горловину мешка веревкой и принялся сворачивать циновку.

– Леди и джентльмены! Встречайте Невероятного Орландо! – закричал ведущий. – Он делает все, что делает Гарри Гудини, только не тратит время на пустую болтовню!

Послышался смех.

Я огляделся и с немалым удивлением отметил, что обращение «леди и джентльмены» преувеличением не являлось. Хватало среди публики и женщин. И вовсе не вышедших на ночную охоту жриц продажной любви, а приличных дам, коих сопровождали ничуть не менее приличные на вид кавалеры.

На сцену вышел мим. Его темный наряд растворялся в тенях, выбеленное лицо с нарисованными бровями казалось застывшей маской, а белые перчатки летали на фоне черного занавеса нервными птицами. На миг мне стало не по себе.

Неловко-ломанные движения мима завораживали; при всей своей эксцентричности он, казалось, не совершал ни одного лишнего жеста. Из белых перчаток вылетали голуби и чудесным образом возникали вещи, владельцы которых находились в другом конце зала, но никакой магии в этом не было, одна лишь ловкость рук. Мим даже сиятельным не являлся; я несколько раз ловил

на себе взгляд его карих глаз.

Пока Орландо развлекал публику, доставая из карманов зрителей зажженные сигареты, игровые карты и цветы, его помощники выкатили на сцену приличных размеров бочку и принялись носить ведра, наполняя ее водой; слышался плеск, на сцену летели брызги. Когда они закончили, по сцене растеклась небольшая лужа воды.

– Леди и джентльмены! – объявил вдруг конференсье, привлекая к себе внимание зрителей. – Уверен, любоваться этими трюками вы готовы до самого утра, но сегодня, как и каждую пятницу, нас посетит Черная Лилия, поэтому время Орландо подошло к концу. И знаете... – ведущий прошелся по краю сцены, – гонорары наш бессловесный друг требует просто заоблачные, но сегодня платить не придется. Посудите сами, к чему деньги покойнику? Орландо, прошу!

Мим вернулся на сцену, и я с облегчением перевел дух. Мысль о том, что он подойдет и достанет из моего уха зажженную сигару, заставляла нервничать.

Когда Орландо встал рядом с ведущим, из-за кулис появились две ассистентки. Одна несла поднос с парой наручников и цепью, вторая – крышку от бочки. Конференсье попросил мима вытянуть перед собой руки и сковал его запястья стальными браслетами, затем проделал ту же процедуру с ногами и соединил кандалы короткой цепочкой, как поступают с наиболее опасными каторжанами.

– Никаких трюков, убедитесь сами! – провозгласил он после этого.

На сцену поднялось сразу несколько человек, и один из них, крупный мужчина средних лет с кривым носом, уверил собравшихся, что в ход пошли обычные полицейские наручники.

– Сто раз такие надевали, – с усмешкой добавил он.

– Легко ли от них избавиться? – вкрадчиво поинтересовался конференсье.

– Кому как, – многозначительно ответил бывалый зритель.

– Ну конечно! – рассмеялся конференсье. – Такому умельцу, как Невероятный Орландо, ничего не стоит избавиться от оков! Но хватит ли на это дыхания?

Ведущий тычком в грудь отправил мима в бочку, тот завалился в нее спиной, мелькнули туфли, выплеснулась на сцену вода. Конференсье водрузил сверху крышку и уселся на нее для надежности. Раздалась барабанная дробь, в руке артиста возникли карманные часы.

Зал замер в немом восторге, на меня накатила невероятный сплав чужих эмоций, щедро приправленный страхом. Несколько раз крышку явственно толкали изнутри, но конференсье и не подумал встать, продолжая смотреть на часы. И лишь когда нервы у всех натянулись до предела, вскочил и объявил:

– Пять минут истекли!

И тотчас смолк барабан. Крышка не шелохнулась.

А потом кто-то тронул меня за плечо. Я нервно отмахнулся и вдруг обнаружил, что каким-то невероятным образом оказался в центре всеобщего внимания. Обернулся – за мной стоял мим. С его будто бы приклеенной к волосам шапочки и промокнутой насквозь одежды капала вода, но грим нисколько не потек.

– Невероятный Орландо! – во всю глотку гаркнул конференсье и опрокинул бочку, на сцену хлынула вода.

В зале засвистели, застучали ногами, захлопали, заголосили. Мим издевательски выверенным движением выудил у меня из-за уха пикового валета и помахал картой, требуя освободить проход. Я машинально отступил и, лишь когда Орландо подошел к сцене, почувствовал, как в очередной уже раз за сегодняшний день к лицу приливает кровь. Но теперь виной тому было не смущение, а злость. Нет, не злость даже – самая настоящая ярость. Губы обтянули оскаленные зубы, пальцы сами собой стиснулись в кулаки. Нестерпимо захотелось догнать наглеца, сбить с ног и хорошенько попрыгать на его мослах, а потом ухватить за грудки и пару раз приложить затылком об пол...

Я тряхнул головой, прогоняя наваждение, и поспешил затеряться среди зрителей, дабы не ловить больше на себе насмешливые взгляды соседей. Ноги сами привели к бару, там я без особой надежды спросил лимонада; индус

с невозмутимым видом наполнил из пузатого кувшина бокал с толстым стеклянным дном и щедро сыпанул в напиток колотого льда.

Я расплатился, пригубил лимонад и одобрительно покивал.

– Отлично! – сообщил бармену. Индус остался невозмутим.

Неспешно попивая освежающий напиток, я отыскал свободное место у стены и прислонился к ней, ожидая возобновления представления. На сцене подсобные рабочие орудовали лентяйками, протирая вылитую из бочки воду. Вскоре они скрылись за кулисами, и на смену им пришли девицы из кордебалета. Вновь заиграл оркестр, я взглянул на часы и поморщился: было уже поздно. Но уходить не хотелось. Слишком много времени потерял, чтобы покинуть варьете, не дождавшись выступления звезды сегодняшнего вечера. Почему-то образ танцовщицы с афиши у входа накрепко засел в памяти и не отпускал, подобно китобойному гарпуну.

Решив подождать еще пять минут, я в пару глотков допил лимонад и поставил пустой стакан на поднос проходившей мимо разносчицы. Та игриво подмигнула, я сделал вид, будто не заметил. Под конец приятная кислинка напитка сменилась приторной сладостью, и вновь захотелось пить, но урок пошел впрок, выбрасывать деньги на ветер я не собирался. Жулики, кругом одни жулики.

Расстегнув верхнюю пуговицу сорочки, я в очередной раз взглянул на часы, и как раз в этот момент музыка смолкла, танцовщицы покинули сцену и к зрителям вновь вышел конферансье.

– А теперь то, ради чего вы все здесь собрались! – объявил он. – Выступление блистательной, обворожительной и таинственной Черной Лилии, жрицы самой Кали!

Заиграла тягучая мелодия, музыканты пытались подражать заклинателю змей, и у них это неплохо получалось. Солировала флейта. А потом из-за кулис на сцену выскользнула стройная девушка, с головы до ног укутанная полупрозрачными шелковыми накидками. Были видны лишь изгибы фигуры, босые ступни и кисти с тонкими пальцами, светлые глаза сиятельной и... немалых размеров удав, который возлежал на плечах танцовщицы и плавно водил из стороны в сторону головой и хвостом.

Разговоры враз смолкли, слышны стали лишь шорох одежды и дыхание людей, и тогда девушка торжественно произнесла:

– Во имя Кали, Матери Вселенной и Высшей Богини!

Послышался женский вскрик – какая-то экзальтированная дамочка за ближним к сцене столом лишилась чувств; я остался невозмутим.

Индия, Кали и ее ритуальные душители последнее время не сходили с первых страниц газет, и вся богема буквально помешалась на этой теме, потому более выигрышного начала для выступления было не сыскать.

Черная Лилия плавно шагнула вперед, ее накидки колыхнулись и сразу опали, струясь по соблазнительным изгибам женской фигуры, и стало ясно, что банального танца живота ждать не стоит. Девушка постепенно ускоряла плавные движения, и вскоре в полумраке сцены начало казаться, будто удав на ее плечах превратился во вторую пару рук. Зал следил за выступлением как замороженный.

Глаза танцовщицы мягко светились в темноте, но едва-едва, большинство собравшихся, полагаю, даже не определили в ней сиятельную. Вне всякого сомнения, сейчас девушка использовала свой талант, но столь тонко, а возможно, и неосознанно, что мне не удалось ощутить никакого внешнего воздействия. Один лишь прилив сил. И ощущал его не я один.

Лица людей разрумянились, глаза загорелись восторгом. Какой-то господин даже попытался влезть на сцену, но бородатый швейцар сноровисто стянул его обратно и окатил водой из специально приготовленного ведра.

А потом Черная Лилия скользнула за кулисы, зал взорвался аплодисментами и свистом, а у меня разболелась голова. В ожидании выхода танцовщицы на бис я вытер с покрасневшего лица пот и заказал у индуса еще один бокал лимонада. Холодный, с колотым льдом напиток немного унял охвативший меня жар, но с духотой ничего поделать не мог. Закружилась голова.

На бис Черная Лилия не вышла, и зрители начали расходиться, я поставил стакан с недопитым лимонадом на стойку и тоже двинулся к выходу, но там

обнаружился Невероятный Орландо. Мим пытался увлечь покидавших варьете людей и цеплялся со своими фокусами ко всем и каждому.

Попадаться ему на глаза и вновь становиться всеобщим посмешищем не хотелось, и я двинулся мимо сцены к черному ходу. Все вокруг словно заволело туманом, пол качался под ногами, дышать удавалось через раз. Накатила тошнота, но я собрал волю в кулак, миновал уборную и свернул в служебный коридор, темный и безлюдный.

Бородатый швейцар возник, будто чертик из коробочки.

– Сюда нельзя! – заявил он и уперся широченной ладонью мне в грудь. – Назад!

Меня качнуло, в попытке удержать равновесие я облапил вышибалу и поначалу даже повис на нем, а потом осторожно опустил на пол и разжал стиснувшие толстую шею пальцы. Все вышло само собой, у меня и в мыслях не было лишать швейцара сознания, просто невыносимо хотелось выйти на свежий воздух. А еще – сильно кружилась голова.

Едва не теряя сознание, я перешагнул через швейцара и побрел к двери черного хода. Пол раскачивался под ногами все сильнее, и столь же сильно что-то раскачивалось в голове, поэтому в прохладу летнего вечера я буквально вывалился.

Словно рухнул из лодки в ледяную воду.

Раз – и хорошо...

Глава вторая, или Старые друзья и немного загадок

Свет – это боль.

Я осознал это сразу, как только открыл глаза. И потому немедленно зажмурился, но боль не ушла. Она все глубже и глубже вгрызалась в голову, давила в темечко и стучала в виски.

А еще – позвякивание. Легкое позвякивание через равные промежутки времени, словно кто-то размешивал в стакане чай и ненароком задевал ложечкой стеклянные стенки.

Дзинь, дзинь, дзинь.

Позвякивание было даже хуже света. Казалось, еще немного – и у меня из ушей побежит кровь.

«Где я?» – Вопрос пробился через одуряющую боль и заставил взять себя в руки.

Где я, черт побери?! И как здесь очутился?

Я лежал. Лежал на мягком матрасе и был укрыт простыней, а потому никакая это не кутузка, не притон и не подворотня, куда запросто может угодить опоенный непонятным зельем простак.

А что меня опоили, в этом не было никаких сомнений. В памяти зияли бездонные провалы, после завершения танца Черной Лилии я не помнил ровным счетом ничего. Духота вкупе с табачным дымом, возбуждением и нервным перенапряжением так подействовать не могли. Не иначе чертов индус подмешал что-то в лимонад.

Проще всего было открыть глаза и осмотреться, но, памятуя о недавнем приступе мигрени, я продолжал лежать со смеженными веками и прислушиваться к легким шорохам и тревожному позвякиванию.

– Вы проснулись? – спросил вдруг женский голос.

Я вздрогнул и открыл глаза. Голос был знаком. Раньше он казался более низким и волнующим, но изменился лишь тембр – человек был тот же.

«Черная Лилия?!» – промелькнуло в голове, и я с изумлением уставился на девушку, которая стояла у стола и длинной железной ложкой размешивала лимонад в кувшине из прозрачного стекла.

Высокая, стройная, черные волосы убраны в простую прическу, бледное лицо с тонкими чертами урожденной аристократки. Выбивались из общей картины лишь глаза, светлые глаза сиятельной; они смотрели на меня с неприкрытой насмешкой. Острые, пронизательные, умные.

Домашнее платье строгого покроя с закрытыми плечами и руками несколько не походило на откровенный наряд экзотической танцовщицы, но ошибки быть не могло. Я помнил этот взгляд. И помнил его по выступлению в варьете...

...Я вывалился из черного хода варьете в прохладу летнего вечера и едва устоял на ногах. Сильно шатало, кружилась голова, но свежесть уличного воздуха прогнала тошноту и прочистила сознание. Звон в ушах стих, стали слышны раздраженные голоса.

«Щелк!» – разложился вынутый из кармана нож.

Но голоса не приближались, и стало ясно, что это не засада, что ждут не меня.

Благоразумие заставило спрятать складной нож; я сделал несколько глубоких вдохов и зашагал по переулку.

Вокзал. Мне надо было на вокзал.

Но голоса звучали все отчетливей, а когда я осторожно заглянул за угол, то увидел, что проход перегорожен конным экипажем. Развернуться и уехать ему не давали двое громил. Один из бугаев перехватил поводья и свободной рукой наставил на возницу наваху, другой пытался распахнуть запертую изнутри дверь.

Спиной ко мне стоял коротышка; он возился с установленным на трехном штативе фотографическим аппаратом.

«Какого черта тут происходит?» – хотел было во всеуслышание поинтересоваться я, но вместо этого молча шагнул вперед. Настроения разговаривать не было...

– Ваш лимонад, – улыбнулась Черная Лилия, переливая напиток из кувшина в высокий бокал.

Пользуясь случаем, я слегка приподнял простыню и кинул под нее быстрый взгляд. Вопреки шальному предположению, на мне все же оказались кальсоны, и это обстоятельство не столько разочаровало, сколько заставило недоуменно наморщить лоб.

Да что здесь происходит? Картинка никак не складывалась.

А танцовщица спокойно подошла к кровати и протянула бокал.

– Прошу...

Памятуя о событиях вчерашнего вечера, принимать напиток из рук незнакомки не следовало, но всякая попытка сглотнуть царапала горло наждаком, поэтому я плюнул на осторожность и выпростал из-под простыни левую, лишенную татуировок руку.

Лимонад оказался в меру сладкий, с легкой кислинкой. Я сразу почувствовал себя живым.

Черная Лилия без тени смущения уселась на кровать рядом и принялась с интересом разглядывать меня.

– Идеально! – выдохнул я, отрываясь от бокала.

Танцовщица рассмеялась.

– Вчера ты очень подробно рассказал, как его следует готовить, – сообщила она и многозначительно добавила: – Прежде чем лишиться сознания.

Я откинулся на подушку и отрешенно уставился в потолок.

– Наверное, что-то съел.

– Или выпил, – поправила меня Черная Лилия, поднялась с кровати и вернулась к столу. – Или покурил? О нет! Судя по твоим венам, вколол.

Мое вчерашнее состояние и в самом деле походило на наркотическое опьянение, а поскольку вены усеивали многочисленные точки старых уколов, любые попытки оправдаться прозвучали бы по меньшей мере жалко. И уж совершенно точно – неуместно.

– Еще лимонада? – предложила танцовщица.

– Не откажусь, – согласился я и прислушался к шороху под кроватью. – Скажи, удав...

– Нет! – рассмеялась Черная Лилия, протягивая бокал. – Не беспокойся. Я не держу его дома.

– Отлично, – усмехнулся я. – Не хотелось бы ощутить его удушающие объятия.

– Не удушающие, – поправила меня танцовщица. – Удавы не душат жертву, они обвивают ее, сдавливают и останавливают кровоток.

– Буду знать, – сказал я и откинулся на подушку. Слова об удушении вызвали некий подсознательный отклик, словно в памяти вдруг сложился очередной кусочек мозаики.

Вчера я кого-то душил. Это точно.

Бородатого швейцара? Нет, кого-то еще. Но кого?

Фотограф стоял ко мне спиной.

– Живее, черти! – выругался он. – За что я вам деньги плачу? Мне нужен снимок!

Я подступил к нему и зажал шею в сгибе локтя. Не знаю, почему, но захотелось поступить именно так.

– Тише! – шепнул я на ухо коротышке, заставляя его подняться на цыпочки, и повторил: – Тише, не дергайся.

Фотограф захрипел. Я слегка ослабил хватку, позволяя ему глотнуть воздуха, и свободной рукой зашарил по пиджаку. В нагрудном кармане наткнулся на замусоленную визитную карточку внештатного сотрудника местной газеты «Утренние новости» на имя Марека Фаре.

– Это ты? – поднес я ее к лицу фотографа.

– Да, – просипел газетчик. – Что вы делаете? Отпустите...

И тут меня заметил громила, который держал поводья.

– Эй, ты! – рыкнул он. – Проваливай!

– Отпусти, а то хуже будет! – потребовал фотограф, обеими руками цепляясь за мое предплечье.

Но я распознал бывший в нем страх и вновь приподнял локоть, заставляя жертву встать на облезлые носки туфель. А когда второй бандит оставил в покое дверцу экипажа и угрожающе двинулся в мою сторону, предупредил газетчика:

– Марека, будь паинькой, попроси своих друзей пойти погулять.

– А то что? – просипел газетчик, сохраняя присутствие духа. – Тебе навалиют по первое число!

– Сначала сверну тебе шею.

– Чушь!

Но я уже ухватился за потаенный страх и принялся разматывать его, размеренно и без всякой спешки шепча на ухо фотографу:

– Марек, ты же знаешь, как выглядят задушенные! Сам не раз снимал их, так? Неприглядное зрелище, скажу тебе. Еще и обмочишься. Будешь лежать в вонючей луже, а полицейские пропустят какого-нибудь прощелыгу сделать снимок для криминальной хроники. Мертвый, обмочившийся перед смертью газетчик – зрелище прискорбное и душераздирающее. Но знаешь, что все будут говорить? Собаке – собачья смерть.

Мне почти не пришлось задействовать талант сиятельного, столь сильна оказалась фобия фотографа.

– Стой! – приказал он бандиту. – Стой, не подходи! – И обратился уже ко мне: – Не лезь в это дело! Я никому не причиню вреда! Просто сделаю один чертов снимок, и все!

– Чей снимок?

Марек замялся. Но мой талант сиятельного вскрыл его, будто консервный нож – жестяную банку.

– Чей снимок ты хочешь сделать? – повторил я, вновь приподнял локоть, и газетчик сломался.

– Черной Лилии! – сознался он и попытался оправдаться: – Люди должны знать жрицу Кали в лицо! Это важно!

– Seriously?

– Дам тридцать франков, только уйди!

– Нет.

– И еще пятьдесят – завтра! Мне хорошо заплатят за снимок!

Я остался непреклонен.

– Скажи им, пусть проваливаются!

На глаза фотографа от злости и разочарования навернулись слезы, но сопротивляться моей воле он уже не мог и хрипло выхаркнул:

– Уходите!

Громилы переглянулись.

– Деньги мы не вернем, – предупредил парень с навахой.

– Уходите! – сорвался газетчик на крик.

Мордовороты пожали плечами и растворились в темноте переулка, а я слегка придушил фотографа, опустил его на землю и забрался на козлы к обмершему от страха вознице.

– Гони!

Дальше воспоминания вновь затягивал туман забытья, но остальное было понятно и так: преисполненная благодарности танцовщица приютила спасителя на ночь.

Я допил лимонад и убрал пустой стакан на тумбочку, взял с нее хронометр и просунул ладонь в золотой браслет. Черная Лилия подошла к платяному шкафу и распахнула его, демонстрируя мою одежду, аккуратно развешенную на плечиках.

– Я поручила прислуге вычистить костюм, – сообщила она. – Надеюсь, вы не против?

Упоминание прислуги резануло слух, разрушая уже сложившуюся в голове картинку, но я воздержался от расспросов и молча уставился в потолок.

– Одевайтесь! – призвала меня девушка покинуть постель. – Сейчас будем завтракать.

– Хм... – только и промычал я в ответ.

– Бросьте! – рассмеялась танцовщица. – Вид ваших татуировок меня не смутит. Кто, думаете, укладывал вас вчера в постель? Вы были не в состоянии позаботиться о себе.

Упираться дальше было бы чистым ребячеством, потому я решительно откинул простыню и ворчливо заметил:

– Почему же вы не поручили прислуге и это?

– О! Мне вовсе не хотелось, чтобы среди слуг ходили слухи о гостящем у меня уголовнике!

Я только фыркнул и разубеждать собеседницу в каторжанском происхождении наколок не стал. Вместо этого спокойно подошел к шкафу, достал из него брюки и принялся одеваться.

Черная Лилия улыбнулась и сообщила:

– Я долгое время жила в Индии, там очень распространены татуировки. Видела даже цветные.

Я молча кивнул, и танцовщица рассмеялась:

– Надо признать, вчера вы были более красноречивы. Восхищались моей красотой, как истинный джентльмен.

– Вчера я был не в себе, – отметил я очевидный факт.

– То есть вы больше не находите меня привлекательной?

Я обернулся к танцовщице, продолжая застегивать пуговицы сорочки. Черная Лилия была красива. Очень красива. Но говорить об этом не стал. Вместо этого усмехнулся:

– Больше не полагаю приличным произносить подобные вещи вслух.

– Удивительная тактичность. Вчерашняя ваша манера вести себя показалась более... естественной.

Я только пожал плечами. Меня принимали за бандита, и было совершенно непонятно, как к этому следует относиться. К тому же не стоило сбрасывать со счетов возможность того, что знакомство с танцовщицей было подстроено людьми, которые устроили поджог дирижабля. Зачем-то ведь меня опоили, так?

Впрочем, вздор! Никто не мог заранее спланировать подобного развития событий! Да и Черная Лилия казалась искренней в своих чувствах. Я ощущал одно лишь любопытство, никак не страх. А людям свойственно бояться тех, против кого они замышляют недоброе и кто способен свернуть им шею одним движением руки.

Если честно, танцовщица мне попросту нравилась, чертами лица она чем-то неуловимо походила на классические греческие статуи, и вчера я восхищался ее красотой совершенно искренне. Это не было выражением пьяной симпатии, мимолетной и обманчивой.

– И все же, как вас зовут? – спросила вдруг танцовщица. – Я так и не смогла добиться от вас имени, вы лишь твердили, что это – большой секрет.

Я досадливо поморщился и представился:

– Лео, – но сразу поправился: – Лев.

– Так Лео или Лев? – уточнила девушка, забавно наморщив нос.

– Как вам больше нравится.

– Лео, – решила танцовщица. – Мне больше нравится Лео. Вы не похожи на Льва.

Я кивнул.

– Как вам будет угодно, – затем надел пиджак и с некоторой долей смущения сознался: – К сожалению, в моей памяти зияют досадные пробелы. Подскажите, как обращаться к вам. Вряд ли уместно называть вас Черной Лилией...

– Меня зовут Лилиана, – сообщила несколько не удивленная подобной забывчивостью танцовщица. – И я буду крайне признательна, если вы сохраните в тайне мой секрет. Огласка разрушит мою жизнь и причинит много бед родным.

– Можете на меня рассчитывать, – пообещал я, застегнул пиджак и подошел к окну.

Со второго или третьего этажа открывался чудесный вид на тенистый парк с посыпанными мраморной крошкой дорожками и статуей посреди немалых размеров фонтана. Сбоку тянулось боковое крыло дома с крытой старой черепицей крышей и каменными горгульями у водостоков.

Я совершенно точно провел ночь в чьем-то загородном имении, и это абсолютно не укладывалось в голове.

Лилиана – содержанка какого-то богача? Или она – из богемной компании, снявшей особняк то ли вскладчину, то ли на пожертвование щедрого мецената?

Почему-то в это не верилось.

– Надеюсь, Лео, вы не откажетесь встретиться на завтраке с моими родителями? – огорошила вдруг меня Черная Лилия очередным неожиданным заявлением. – Они с нетерпением ждут встречи со спасителем их дочери!

– С родителями? – растерянно пробормотал я и замялся. – Если это и в самом деле необходимо...

– Очень обяжете! Ну прошу...

Лилиана умоляюще посмотрела на меня, и я сдался, хоть и осознавал, что в ход пущено элементарное женское лукавство.

К тому же что еще оставалось? Сбежать? Черт, да я даже не знал, где именно нахожусь!

– Встречусь, – скрепя сердце, пообещал я.

– Спасибо, Лео! – обрадовалась девушка, подошла ко мне и смахнула несуществующую пылинку с лацкана пиджака. – Мои родители понятия не имеют, куда я отлучаюсь по пятницам. Они подозревают роман. Лучше обходить эту тему стороной, хорошо?

– Постараюсь, – вздохнул я, несколько не вдохновленный предстоящим разговором.

– Не волнуйтесь, вам не придется изображать моего тайного поклонника. Вчера вы просто отогнали двух бандитов, получили удар по голове и почувствовали себя плохо.

– Договорились.

Лилиана посмотрела в окно и оживилась:

– Папа возвращается с прогулки!

– Мне бы умыться...

– Идемте, я проведу вас в уборную!

Лилиана потянула меня к двери, но я на миг задержался у окна и посмотрел на пожилого господина в светлом прогулочном костюме, который шел, тяжело опираясь на массивную трость. Семейное сходство было очевидным, и я отбросил подозрение, будто поневоле стал участником какой-то постановки. Все происходило на самом деле.

В уборной я умылся, прополоскал рот и расчесал растрепанные после беспокойного сна волосы. Затем внимательно изучил собственное отражение и с тяжелым вздохом покачал головой.

Осунувшееся лицо с еще более резкими, нежели обычно, чертами, запавшие глаза с красными ниточками капилляров, едва заметная отметина кровоподтека на левой скуле. Костюм из магазина готового платья, недорогая сорочка, характерная стрижка...

Бандит? Не обязательно, но я бы точно не обрадовался, приведи моя дочь подобного типа домой. Мне не хотелось ни встречаться с родителями Лилианы, ни тем более завтракать с ними за одним столом.

Раздался требовательный стук в дверь, я сбросил оцепенение, вытер висевшим рядом с умывальником полотенцем руки и вышел в коридор.

– Все хорошо? – присмотрелась ко мне встревоженная Лилиана.

– Просто замечательно, – без всякого энтузиазма ответил я и растянул в широкой улыбке губы.

– Будь собой, – посоветовала танцовщица и провела меня в просторную гостиную, где был накрыт круглый стол. На стенах висели потемневшие от времени картины, но прежде чем я успел толком оглядеться, распахнулась противоположная дверь и служанка в белом переднике и чепце вкатила тележку с подносом, накрытым выпуклой крышкой.

Следом вошла представительной наружности пара лет пятидесяти на вид. Мать Лилианы была стройной женщиной, ничем внешне не примечательной. Тусклый взгляд светлых глаз сиятельной безразлично скользнул по мне и сразу ушел в сторону.

Отец ее, так же сиятельный, радушно улыбнулся и протянул руку. Если на прогулке отец Лилианы показался сутулым и уставшим, то теперь словно стал выше ростом и раздался в плечах.

– Лев Шатунов, – первым представился я, самую малость опередив уже открывшую рот Лилиану.

Та искоса глянула на меня и после едва уловимой заминки произнесла:

– Маркиз и маркиза Монтегю.

– К чему эти условности? – улыбнулся маркиз, расправляя торчащие в разные стороны усы. – Зовите меня Джорджем.

Маркиза промолчала. Служанка поспешно выдвинула стул, и мать Лилианы первой опустилась за стол.

– Прошу! – пригласил меня маркиз.

Мы расселись, и я, дабы хоть чем-то занять руки, взял тост и принялся намазывать его малиновым джемом. Расспросов о событиях вчерашнего вечера особо не опасался, да никто выпытывать подробности и не стал. Обычный завтрак в необычных обстоятельствах, только и всего.

Лилиана ничего есть не стала, сославшись на то, что уже успела перекусить; ее мать пила красное вино. От нее повеяло горьковатым ароматом лауданума – не иначе маркиза прямо с утра приняла успокаивающую опиумную настойку, что и объясняло ее чопорную отстраненность. Подобное обстоятельство могло свидетельствовать о каком-то серьезном заболевании, но я не стал забивать этим голову.

Перед Джорджем служанка выставила сваренное вкрутую яйцо и чашку черного кофе. Я поинтересовался насчет чая и тем самым заслужил одобрительный взгляд маркиза.

– Сразу видно русского! Вы с англичанами и дня прожить без чая не можете, – улыбнулся он и уже без всякой теплоты в голосе добавил: – Индусы – тоже...

Но чай в доме отыскался. К тому времени, когда его заварили и принесли в аккуратном фарфоровом чайничке, маркиза уже позавтракала и покинула гостиную. Лилиана вышла вслед за ней.

Я налил себе чаю, а маркиз принял у старого слуги с сабельным шрамом на щеке увесистую деревянную шкатулку, откинул плотно пригнанную крышку и долго перебирал сигары. Определившись с выбором, он специальным ножом срезал кончик у одной из них и указал на хьюмидор.

– Угощайтесь, Лев.

– Благодарю, Джордж, – отказался я. – Не курю.

– Составите мне компанию?

– Непременно.

Мы поднялись из-за стола и прошли на террасу, где стоял небольшой круглый столик на одной ножке с пепельницей и коробкой длинных спичек. Маркиз поставил на него чашечку с кофе и принялся раскуривать сигару. Пахло ароматным дымом, я сделал глоток чаю и посмотрел в сад.

Вид с террасы открывался просто чудесный.

– Семейный врач требует, чтобы я чаще находился на свежем воздухе и больше двигался, – сообщил Джордж, который вновь начал сутулиться, словно на завтраке от этого его удерживало присутствие супруги. – Две сигары в день, подумать только!

Я кивнул, не став никак комментировать услышанное. Да это и не требовалось; маркиз ответа не ждал.

– Не знаю даже, как вас благодарить за вчерашнее, – повернулся он ко мне. – Случись что-то с Лили, мы бы этого не пережили.

– Моя заслуга невелика, – ответил я. – Так поступил бы каждый.

– Не скажите, Лев, – покачал головой маркиз. – Я всякого за свою жизнь насмотрелся. Служил в Индии, а там жизнь не сахар. Никому нельзя доверять...

– Вышли в отставку?

– Вышел, – подтвердил Джордж. – Сам о ней попросил, если честно.

– Из-за климата?

– В том числе. У супруги начались проблемы со здоровьем, и врачи рекомендовали ей чистый горный воздух. Да еще этот переезд из Калькутты в Нью-Дели! Я ведь при генерал-губернаторе состоял, Лев. Куда он, туда и я. И скажу честно, под конец там черт-те что творилось. Чума, фансигары...

– Фансигары?

– Туги. Так их называют на юге.

Я позволил себе скептическую улыбку.

– Всегда казалось, что истории о душителях Кали раздувают газетчики.

– Раздувают? – вскинулся задетый за живое маркиз. – Да в газеты и половины правды не попадает! Индусам нельзя доверять, нельзя верить никому из них! Каждый либо фансигар, либо вор и мошенник.

– Вы не преувеличиваете?

– Нисколько, – отрезал Джордж. – Несколько лет назад семью моего лучшего друга нашли задушенной. Убийц впустили слуги. Вот так.

– Соболезную.

– Раньше положение дел в Индии мало кого интересовало, – произнес маркиз, задумчиво глядя в сад. – Все с умным видом рассуждали об угрозе со стороны ацтеков, персов и египтян. Но это известные враги, а в Индии мы еще хлебнем лиха. Боюсь, без большой крови не обойдется. И ведь каждый второй отставник, возвращаясь в метрополию, привозит с собой слугу-индуса, а то и не одного! А кто знает, какие злодеяния у них на уме? Никто!

Я пожал плечами.

– Можете считать меня выжившим из ума стариком, – обиделся Джордж, – но я вижу людей насквозь. Не верите? Взять, к примеру, вас...

– Лучше не стоит...

– Бросьте, Лев! – рассмеялся маркиз. – Мне будет полезно немного размяться. Не часто выпадает случай потряхнуть стариной!

Никаких предположений касательно собственной персоны мне выслушивать не хотелось по той простой причине, что некоторые из них могли оказаться недалеко от истины, но протестовать было не слишком разумно.

Я отпил чаю и кивнул.

– Давайте попробуем.

– Вы служили или служите, – с ходу высказал отец Лилианы первое предположение. – Армия или полиция? На моряка вы не похожи.

Я подумал, чем грозит откровенный ответ, потом признал:

– Служил в полиции. Раньше.

– В яблочко! – с довольным видом рассмеялся маркиз, пыхнул сигарой и как-то враз потерял всякий интерес к этой игре. – Ну, остальное элементарно! Холосты, не бедствуете, много путешествуете. Возможно, от кого-то скрываетесь. Но на этом не настаиваю: у вас нет с собой оружия, нож не в счет, а экстравагантная прическа может объясняться не маскировкой, а веяниями современной моды, в коих я ничего не смыслю, или внутренней потребностью в эпатаже. Что скажете, Лев?

– Удивительно!

– Когда-то я поражал красоток рассказами о дедуктивном методе небезызвестного беллетриста, но признаюсь честно: все просто появляется в голове само собой. Таков мой талант.

– Весьма полезный талант, – признал я.

– А вы? – прищурился Джордж. – Почему вы покинули службу?

– Получил наследство.

– Решили посмотреть мир?

– Именно.

– Чем планируете заниматься дальше?

Я допил чай и неопределенно пожал плечами.

– В поиске идей.

Маркиза этот ответ вполне устроил, он только уточнил:

– Могу быть вам чем-то полезен?

– Если честно, – вздохнул я, – у меня дела в городе.

– Распоряжусь заложить коляску, – пообещал Джордж, отложил окурок сигары на край пепельницы и шагнул с террасы в гостиную. – Проводи гостя в библиотеку, – попросил он слугу со шрамом на щеке.

Старик вышел на балкон, затушил сигару и привычным движением спрятал окурок в карман ливреи.

– Прошу, следуйте за мной, – с невозмутимым видом объявил он после этого.

Я прогнал с лица понимающую улыбку и отправился следом.

Библиотека в имении Монтегю оказалась не очень большой и весьма уютной. Все стены были заставлены книжными шкафами, в углу под торшером стоял заваленный газетами журнальный столик и пара удобных на вид кресел. Но убедиться в их удобстве я не успел – только прошелся, обозревая золоченые корешки солидных томов, и в библиотеку заглянула Лилиана, уже в новом платье и маленькой шляпке с паутинкой прозрачной вуали. В руках ее был

сложенный солнечный зонтик.

Она плотно прикрыла за собой дверь и с нескрываемым удивлением спросила:

– Скажи на милость, что ты наплел отцу? Он решил, будто мы с тобой встречаемся!

– Я просто был самим собой, – с достоинством ответил я. – Как ты и советовала.

– Так даже лучше! – рассмеялась Лилиана. – Идем, я еду в город с тобой.

– Не стоит беспокоиться.

– Брось, Лео, у меня там дела.

– Ну раз так, – пожал я плечами, – тогда пойдем.

Лилиана взяла меня под руку, мы спустились вниз, будто самая настоящая пара, и уселись в уже стоявшую перед особняком коляску. Кучер на козлах выправкой походил на бывшего военного, да им, скорее всего, и являлся. Судя по густому южному загару, служил под командой маркиза еще в Индии.

Погода была солнечной; я надел темные очки, моя спутница раскрыла зонтик. Ехали молча. Нам обоим явно было о чем подумать, к тому же кучер легко мог расслышать каждое слово, а наши разговоры не предназначались для посторонних ушей.

Теперь я прекрасно понимал заинтересованность Лилианы в сохранении тайны. Любой скандал забудется, и даже светские сплетни рано или поздно сойдут на нет, но отношения с родителями столь просто не восстановить. Маркиз индусов не любил и презирал, а тугов попросту ненавидел. Узнай он о танцах дочери во славу Кали, и удара не миновать. Так и до лишения наследства недалеко.

Я поймал себя на том, что как-то слишком близко к сердцу воспринял проблемы Лилианы, раздраженно тряхнул головой и отвернулся, разглядывая окрестности.

Имение было расположено на одном из холмов неподалеку от города. Поначалу дорога шла вдоль крутого обрыва, в густой зелени проглядывали крыши сельских домов. Но очень скоро коляска миновала железнодорожный мост и показалась окраина города. С возвышенности была видна дуга линии электрической конки, дальше над постройками возвышались белые стены амфитеатра, а меж отрогов гор виднелась синяя гладь озера.

Неожиданно на коляску набежала тень; я задрал голову и увидел, как в небесной выси неторопливо плывет громада трансатлантического дирижабля.

Но пожалеть о недавнем крушении собственного летательного аппарата я не успел: под гулкий гудок и стук колес нас обогнал пассажирский состав. За трубой паровоза протянулся длинный шлейф черного дыма, Лилиана закрыла нос надушенным платочком. Лошади раздраженно зафыркали и замотали мордами, и кучер зацокал языком, успокаивая животных.

Я посмотрел на хронометр. На часах было без четверти одиннадцать.

Полдня коту под хвост...

Солнце заметно прогрело воздух, но на открытом пространстве зной не чувствовался, душно и жарко стало, лишь когда въехали в город. Сразу за линией электрической конки я попросил остановиться.

– Стой! – скомандовала Лилиана кучеру и, к моему немалому удивлению, выбралась из коляски вслед за мной.

Рука об руку мы зашагали по тротуару, коляска покатила следом на некотором удалении.

– Можешь снять очки? – попросила вдруг Лилиана.

Я исполнил просьбу и остановился.

– Да?

– Лео, – проникновенно заглянула мне в глаза Лилиана, – я так тебя и не поблагодарила, а ведь ты меня спас. Это был какой-то кошмар!

– Не стоит преувеличивать...

– Преувеличивать?! – охнула она. – Этот газетчик преследовал меня целый месяц! Когда он попытался ворваться в гримерку, его перестали пускать в варьете. Наверное, подкупил кого-то, чтобы узнать, когда я буду уезжать. Не вмешайся ты, я бы пропала. Спасибо!

Я вежливо улыбнулся, но на языке так и вертелся вопрос, какого черта приличная девушка вообще делает в варьете. Спрашивать не стал. Не мое дело.

– Пообедаешь со мной? – предложила Лилиана. – Это самое малое, что я могу для тебя сделать!

Мои мысли были заняты совсем другим, поэтому я бездумно кивнул, сразу передумал и решил отказаться, но было уже поздно.

– Отлично! – затараторила Лилиана. – Ресторан «Старина Джеймс», это в самом центре, на площади Максвелла. Ровно в два. Не опаздывай. – И она, дробно стуча по брусчатке каблучками, убежала к коляске.

Экипаж отъехал, а я замер на месте.

А впрочем, какая разница? Обещание – это не ярмо на шее. К тому же, учитывая мое финансовое состояние, обед за чужой счет был не такой уж плохой идеей.

При мысли о деньгах я машинально сунул пальцы в жилетный кармашек и с изумлением выудил из него три свернутые десятки, новенькие, с идущими подряд номерами.

Тридцать франков! Откуда?! Я ведь точно не брал взятку у фотографа и не обшаривал его карманы, лишив сознания.

Убрав деньги обратно, я поднес пальцы к лицу и ощутил острый запах типографской краски. И сразу из черного провала забытья всплыл очередной

кусочек мозаики.

– Гони! – приказал я извозчику, сев рядом.

До полусмерти перепуганный мужичок повиновался и тряхнул поводьями. Экипаж вывернул из переулка и помчался прочь, трясясь и содрагаясь на неровной брусчатке.

Я не спросил, куда мы едем, мне это было неинтересно. Вновь накрыло головокружение, от тряски начало тошнить. Запахи неожиданно обострились, и я почуял аромат свежей типографской краски, коим имеют обыкновение благоухать новенькие ассигнации.

Не отдавая отчет в собственных действиях, я сунул руку в карман кучера и вытащил на свет три хрустящие десятки.

Тридцать франков, совсем как обещал фотограф.

Извозчик уставился на меня взглядом затравленного зверя, и этот всполох ужаса в один миг осветил самые потаенные закутки его души. Газетчик подкупил кучера, вот тот и не делал никаких попыток тронуться с места...

Одной рукой я перехватил поводья, другой спихнул мужичка с козел. Он вскрикнул, кувыркнулся и растворился в ночной мгле. А я несколько раз стукнул локтем в стенку экипажа и крикнул:

– Эгей, барышня! Куда едем?!

Я немного постоял, обдумывая это воспоминание, потом мотнул головой и отправился на поиски вчерашнего ломбарда.

Бегство из города придется отложить. Сначала стоит во всем разобраться. Если встреча с Лилианой подстроена и является звеном той же цепи, что и поджог дирижабля, то мой неведомый враг допустил просчет, оставив сразу несколько серьезных зацепок.

Если я побегу – ударят в спину. Выберут подходящий момент и ударят. Так что стоит перехватить инициативу и разворошить осиное гнедо. Нападение неспроста называют лучшей защитой.

Я недобро усмехнулся, достал из жестяной баночки последний леденец и закинул его в рот. Оказался мой любимый – апельсиновый.

Отличное предзнаменование, просто замечательное.

«Гадание на леденцах!» – невесело рассмеялся я и поспешил дальше.

Ломбард отыскал без особого труда; город и в самом деле был разделен на кварталы радиальными бульварами, словно разрезанная на куски пицца. Район я примерно запомнил, пришлось лишь немного побродить в поисках нужного перекрестка.

Выставленные на тротуар столики уличного кафе прятались от палящих лучей солнца в тени полосатого тента; там кто-то сидел, но я не стал приглядываться, распахнул дверь ломбарда и шагнул внутрь, спеша убраться с солнцепека.

– Опять ты! – зевнул при виде меня давешний оценщик и почесался, сунув пальцы за ворот рубахи. – Прижало, что ли?

Вместо ответа я выложил на прилавок пару золотых запонок.

Оценщик просунул руку в окошко решетки, забрал запонки и придирчиво осмотрел товар через увеличительное стекло. Потом тщательно взвесил и с довольным видом ухмыльнулся.

– Другое дело! Дам четвертной.

– Что?! – взорвался я. – Часы стоят полтысячи франков, а ты давал за них жалкую тридцатку! Запонки весят куда меньше, но платишь почти столько же!

– Запонки, – флегматично произнес оценщик, – это запонки. Просто золото, никаких номеров. А дорогие часы – они наперечет. Сверят номер и конфискуют, еще и привлекут за скупку краденого. А стравливать номер – это самому себе статью с земли поднимать. Дураков нет.

Словно утомленный столь длинным монологом, скупщик замолчал, вытер со лба пот и лязгнул кассой.

– Берешь четвертной? – спросил он.

– Только квитанцию выпиши, – потребовал я. – Может, выкуплю еще.

– Ну-ну, – послышалось в ответ.

Но квитанцию в придачу к двум мятым десяткам и надорванной пятерке оценщик все же выдал. Затем потерял ко мне всякий интерес и тоненькой иголкой принялся накалывать с внутренней стороны запонок номер квитка. Контроль и учет, как он есть.

Я направился на выход, уже у двери хлопнул себя по лбу и вернулся к решетке.

– Да? – оторвался работник ломбарда от своего увлекательного занятия.

– Пистолет интересует, – указал я на самозарядный пистолет, плоский и компактный.

– Маузер, модель «восемнадцать семьдесят семь». Двадцать пятый калибр, вес... – Оценщик взвесил оружие в руке и решил: – Не более полукилограмма. Длина – сантиметров четырнадцать-пятнадцать, поместится в любой карман.

– Позволь! – попросил я, принял пистолет и повертел его в руке. В отличие от своего старшего собрата – модели «К63», этот маузер просто потерялся в ладони. – Сколько стоит?

– Пятнадцать франков.

– Не дорого? – усомнился я.

– В цену входит запасной магазин и коробка патронов.

– Беру, – решил я и выложил на прилавок десятку и пятерку. Оставшихся сорока франков должно было хватить и на билет до Нового Вавилона, и на пропитание, а оружие – вещь первостепенной важности. Без него не обойтись.

Оценщик убрал деньги в кассу, передал мне запасной магазин и выложил на прилавок коробку патронов двадцать пятого калибра. Я снарядил магазин, воткнул его в рукоять и сунул пистолет в карман, дабы лишний раз не нервировать работника ломбарда, затем набил запасной. Его убрал в карман брюк, уравновесив таким образом складной нож с другой стороны. Картонную коробку с собой брать не стал и пересыпал остававшиеся в ней патроны в пустую жестянку от леденцов.

После этих приготовлений я охлопал себя по бокам и решил, что если пиджак и стал топорщиться сильнее, то лишь самую малость. Нормально.

– Удачного дня, – напутствовал меня оценщик.

– Удачного, – ответил я и распахнул входную дверь.

Шагнул на улицу, вытянул из нагрудного кармана темные очки, и тут же по нервам резанул отголосок чужого страха. Я завертел головой по сторонам и заметил своего вчерашнего знакомого, Емельяна Никифоровича. С одутловатым и нездоровым лицом он в одиночестве сидел за столиком уличного кофе и напряженно смотрел на чашечку кофе. Рука его заметно дрожала.

Прошипев проклятье, Красин поставил чашку на блюдечко, взял с тарелки аппетитного вида рогалик, макнул его в кофе и откусил.

– Шоковая терапия не помогла? – сочувственно поинтересовался я.

Емельян Никифорович поднял взгляд, обрадовался и указал на стул напротив.

– Присоединяйтесь, Лев Борисович! Здесь подают чудесные рогалики!

Я решил, что вполне могу позволить себе второй завтрак, и попросил выглянувшего на улицу официанта принести чашку кофе и выпечку. Если начистоту, два тоста в доме Монтегю полноценным приемом пищи считаться не могли.

– Нет, Лев Борисович, – макая в чашечку кофе очередной рогалик, вздохнул Емельян Никифорович, – шоковая терапия, как вы изволили выразиться, не помогла. Клин не вышиб клин, но я на эту дикую теорию и не полагался. Это все Иван Прохорович. Я проиграл ему в карты, а карточный долг – это святое, знаете ли.

– А где он сам?

Красин пожал плечами:

– Мы с ним не особо близки. Просто держимся друг друга, как держатся друг друга соотечественники в чужой стране. Да и общих знакомых хватает.

Принесли мой заказ, на вкус рогалики оказались ничуть не хуже, чем на вид. Еще горячие, с хрустящей корочкой. Кофе тоже не разочаровал.

– Дам вам совет, Лев Борисович, – произнес с задумчивым видом наблюдавший за мной Красин. – Дважды подумайте, прежде чем ввязываться в авантюры, на которые вас станет подбивать Иван Прохорович. Он на такие дела мастак. И знаете, – доверительно склонился над столом собеседник, – я подозреваю, он симпатизирует анархистам!

– В самом деле? – вежливо улыбнулся я, но внутренне так и подобрался. Попастъ в поле зрения Третьего департамента из-за знакомства с состоящей на учете личностью не хотелось совершенно. – Почему вы так решили?

– Помимо его резких высказываний? – усмехнулся Емельян Никифорович. – Слишком уж пристально он интересуется Шаляпиным. Отслеживает, где тот бывает, с кем встречается. Это не профессиональный интерес. У анархистов на Шаляпина зуб.

– Как и у вполне законопослушной либеральной общественности, к коей относится каждый второй отдыхающий здесь русский, – попытался смягчить я высказывание Красина.

Я как раз был в России, когда Федор Шаляпин после одного из театральных представлений опустился на колени перед имперским наместником, а того после подавления беспорядков семьдесят второго года в определенных кругах звали не иначе как Кровавым. Скандал случился грандиозный! Одни посчитали возмутительным низкопоклонством сам факт коленопреклонения, другие припомнили великому певцу его не столь уж давнюю поддержку восставших рабочих. Деятели искусств как один отвернулись от коллеги, газетчики перемыли ему все кости, анархисты и вовсе грозили расправой. Неудивительно, что Шаляпин вскоре уехал в Европу и с тех пор на родину не возвращался.

Емельян Никифорович пожал плечами:

– Мое дело – предупредить. А вообще, заходите в гости, – указал он на соседний дом. – Во дворе белый флигель, снимаю там апартаменты.

– При случае обязательно зайду, – пообещал я, выложил на край стола серебряный франк и поднялся на ноги. – Увидимся.

– Стойте! – встрепенулся Красин, стоило только мне шагнуть из-под тента на солнышек. – У меня здесь открыт кредит. Угощаю! – И он кинул оставленную на столе монету.

Все случилось слишком быстро, и я не успел справиться с рефлексом. Тело развернулось боком, рука отдернулась в сторону, и серебряная монета пролетела мимо, зазвенела на брусчатке, покатила и уткнулась в каменный бордюр.

– Сердечно прошу меня извинить! – охнул Емельян Никифорович, но сразу расхохотался и погрозил указательным пальцем. – Вижу, не у меня одного была бессонная ночь!

Я улыбнулся шутке, поднял монету и, отсалютовав Красину, зашагал по улице.

Серебро. У оборотней сложные отношения с серебром. Оно нас убивает. И потому те, кому проклятие переходит по наследству, на уровне безусловных рефлексов обладают способностью уворачиваться от серебряных пуль. Лично мне всякий раз приходилось делать над собой определенное усилие, дабы просто взять в руки банальный серебряный франк.

Этот франк, к слову сказать, я в бумажник убирать не стал и сунул его разносчику газет, как и вчера, караулившему прохожих на перекрестке. Взял у него свежий номер местных «Утренних известий», ссыпал в портмоне звонкую медь сдачи и отправился по нашему вчерашнему маршруту.

Я собирался нанести визит в варьете. И хоть увеселительное заведение в столь раннее время еще не работало, сегодня меня влекли туда не голые ножки красоток из кордебалета, а неприятные вопросы к персоналу. Конкретно – к бармену.

Чертов индус...

По пути я наткнулся на телеграфное отделение и не преминул зайти в пропахшее бумажной пылью помещение. Перьевая ручка и чернильница оказались заняты, пришлось подождать.

Молодой человек, на вид – сущий школяр, прикусив от напряжения кончик языка, что-то выводил на бланке для телеграммы; рядом лежало еще несколько, уже испорченных кляксами. Не желая смущать его и провоцировать тем самым новую пометку, я развернул газету и углубился в чтение. Первая страница была посвящена местным событиям, дальше шел дайджест мировых новостей, щедро разбавленный рекламными объявлениями. Издание особой желтизной не отличалось, разве что порой излишне злоупотребляло броскими заголовками.

Например, заметку на первой полосе озаглавили: «Таинственная катастрофа в горах». При этом помимо невнятного рассказа одного из местных жителей про объятый огнем дирижабль в небе к северо-западу от города ничего интересного в ней не оказалось. Обломки найдены не были, а, учитывая сложный рельеф местности, если их и найдут, то очень нескоро. И поскольку о потере летательного аппарата никто из судовладельцев не заявлял, завтра об этой истории уже никто и не вспомнит.

Школяр наконец освободил стол; я занял его место и быстро заполнил бланк телеграммы.

«Срочно восстанови паспорт тчк Еду тчк Лев».

Больше ничего объяснять или добавлять не стал, мой поверенный все должен был прекрасно понять и так. Паспорт жителя Российской империи на имя Льва Борисовича Шатунова числился во всех необходимых реестрах, восстановить его мой юрист мог едва ли не в течение дня. И не уверен даже, что придется подмазывать кого-нибудь взяткой.

Работник почты в несвежей сорочке и канцелярских нарукавниках принял бланк, в один миг рассчитал на счетах тариф и озвучил сумму. Я выложил на блюдечко несколько медных монет, он выгреб их и раскидал по ячейкам кассы, потом сообщил:

– Мы предоставляем услуги междугороднего телефонного общения.

– Благодарю. Возможно, в следующий раз. От меня все?

– Да, телеграмма будет отправлена в течение пяти минут.

– Замечательно.

Я покинул телеграфное отделение и потянул из кармана жестянку с леденцами, но сразу вспомнил, что внутри – патроны, вернул ее обратно и отправился в варьете.

Попасть в «Три лилии» через главный вход я не стал даже пытаться, вместо этого свернул в знакомый проулок, вышел к задкам увеселительного заведения и прислонился плечом к забору соседнего особняка, выжидая удачный момент, чтобы проникнуть внутрь. И случай не замедлил представиться: вскоре с улицы заехала повозка с деревянными ящиками, заполненными бутылками с пивом.

Возница несколько раз стукнул в дверь черного хода и вернулся к повозке. Там он достал кисет, поплевал на клочок бумаги и принялся сворачивать самокрутку. Ящики таскать стал смурной половой.

На меня ни один, ни другой не обратили никакого внимания, чем я немедленно и воспользовался. С решительным видом взял увесистый ящик, взгромоздил его на плечо и понес в бар. Никто и слова не сказал. Возница принял меня за местного работника, половой посчитал, будто помочь ему взялся сопровождавший груз экспедитор.

В баре я выставил ящик на стойку и огляделся. Индуса нигде видно не было; пришлось подниматься на второй этаж в поисках управляющего. В темном коридоре на глаза попалась приоткрытая дверь, туда и заглянул. В небольшой комнатке на подоконнике сидел вчерашний конференсье. Он курил и стряхивал пепел на улицу.

– Бессонная ночь? – поинтересовался я, переступая через порог.

От неожиданности конференсье подавился дымом и закашлялся, потом уставился на меня своими налитыми кровью глазами.

– Вы кто? – спросил он, отдышавшись.

– Я по делу, – спокойно ответил я, взял стул и развернул его так, чтобы одновременно контролировать и хозяина кабинета, и дверь.

– Нам ничего не надо! – отрезал конференсье.

– А я ничего не продаю. Просто хочу задать пару вопросов.

Конференсье выкинул окурок за окно и соскочил на пол.

– Уходите или вас отсюда вышвырнут! – угрожающе произнес он, приняв меня то ли за бандита, то ли за частного сыщика.

– Сомневаюсь.

Хозяин кабинета дернул шнур, откуда-то снизу послышался отголосок звонка.

– Уходите! – повторил конференсье и скрестил на груди руки. – Пока еще есть такая возможность.

– Вечно люди все усложняют, – покачал я головой, а когда в комнату забежал бородатый вышибала, вынул руку из кармана пиджака и указал ему на дальний угол: – Встань там!

Швейцар повиновался беспрекословно. Даже не знаю, чем именно была вызвана его покладистость: воспоминанием о вчерашнем конфузе или пистолетом у меня в руке.

А вот конференсье маузера ничуть не испугался и вспылil:

– Что ты встал?! Он не станет стрелять!

Я улыбнулся, вышибала неуютно поежился и с места не сдвинулся.

– Не уверен, – пробурчал он, глядя под ноги.

Меня неуверенность крепыша только порадовала. Стрелять я в любом случае не собирался, а драка ничем хорошим закончиться не могла. Денег на новый костюм не было.

– Знаешь его? – встрепенулcя конференсье.

– Сталкивались. Вчера.

– Ты не сказал!

– Хватит! – рыкнул я. – Индус из бара, где он?

– Уволился, – ответил хозяин кабинета после недолгой заминки.

– Когда?

– Сдал кассу, получил расчет и сказал, что больше не выйдет.

– Как объяснил?

– Родственник на работу позвал. В Новый Вавилон.

– Ну конечно! – скривился я.

– Это правда!

Я вздохнул и потребовал:

– Мне нужны его имя и адрес.

– Это против правил! – возмутился конференсье, но под моим взглядом стушевался и попытался сгладить ситуацию: – Могу я, по крайней мере, узнать, что он натворил?

– Подмешал какую-то дрянь мне в лимонад, – ответил я чистую правду.

Вышибала и конференсье обменялись быстрыми взглядами, и стало ясно, что если подобные обвинения ранее и не выдвигались, то сомнения в порядочности бармена возникали далеко не один раз. И еще я почувствовал страх. Не легкую растерянность вышибалы, а боязнь его хозяина лишиться лицензии в случае огласки.

Все! Теперь я мог вить из него веревки.

– Вы не похожи на человека, у которого водятся деньги, – тем не менее заявил конференсье. – Никто не станет опаивать подобного вам! Да и откуда взяться в баре лимонаду?!

Но стоило только подняться со стула, и конференсье вжался в стену. Впрочем, я скандалить не стал и улыбнулся, как мой поверенный улыбался излишне докучливым клиентам.

– В ваше чудесное заведение меня привели дела. Важные дела, – произнес я ровным, лишенным всяких эмоций голосом. – А индус все испортил. Я не хотел тратить время на пустые формальности, но, вижу, придется дать делу официальный ход. Уж не знаю, зачем вам это. Уверен, вы имеете представление, сколь быстро расходятся в этом городе слухи.

– Стойте! – всплеснул руками конферансье. – Не гоните лошадей!

Неожиданное увольнение и отъезд индуса из города вкупе с его прежними грешками не могли не вызвать подозрений, поэтому голословных обвинений и безыскусного шантажа оказалось достаточно, чтобы переломить ситуацию в свою пользу. Не пришлось даже пускать в ход талант сиятельного. Ну если только самую малость...

– Его зовут Акшай Рошан, – сообщил конферансье в ответ на мой выжидающий взгляд. – Но все звали его просто Ро. Насколько знаю, он снимает комнату в доходном доме Лурье. Это на бульваре Никольсона, сразу за железной дорогой.

– Что за родственник позвал его на работу?

– Он не сказал. Ничего толком не сказал. Забрал деньги и убежал.

– А ты? – повернулся я к вышибале. – Ты этого не знаешь?

– Вчера был не в форме, – зло глянул на меня швейцар.

– Он настоящий индус или местный уроженец?

– Приехал из Индии несколько лет назад.

– Друзья, знакомые?

Конферансье только руками развел.

– У меня полно работников, которые приходят и уходят. Какое мне до этого дело?

– А его соотечественник? – припомнил я вчерашнее выступление. – Факир может о нем что-то знать? Они же должны были общаться!

– Заклинатель змей? – Конферансье переглянулся с охранником и неожиданно прыснул от смеха. – Простите, не удержался, – извинился он, пряча ухмылку. – Заклинатель змей – перс. И нет, они не ладили. Акшая бесило, что старик изображает индуса, а тот и сам терпеть не может этот маскарад. Нет, не думаю, что хоть кто-то из персонала сообщит что-то полезное.

– Просто замечательно! – поморщился я и с неприкрытой угрозой произнес: – Надеюсь, мне не придется возвращаться...

Я внимательно следил за собеседниками, будто при игре в покер, но если те и блефовали, то никак своего обмана не выдали.

– Вот и не возвращайся! – лишь заявил конферансье.

– Не стоит, – подтвердил бородатый вышибала.

– А это, дорогие мои, зависит исключительно от вас, – веско произнес я, покинул кабинет и повысил голос: – Провожать не надо, выход сам найду!

И действительно нашел, не заблудился.

На улице я внимательно огляделся по сторонам и отправился на поиски доходного дома Лурье. Пусть шансы застать индуса там и были невелики – не для того он столь поспешно увольнялся! – но я не исключал, что меня попросту надули. Людям свойственно юлить, когда начинает пахнуть жареным.

Увы, Акшай Рошан и в самом деле съехал. По словам зрителя, он забрал остаток взноса за комнату в начале девятого утра, пообещал вскоре вернуться за вещами, но так больше и не объявился.

– Вон, так и стоит, – указал сидевший на верхней ступени крыльца мужичок на фанерный чемодан, обшарпанный и невзрачный.

Я взялся за ручку и приподнял чемодан, дабы оценить вес, потом спросил:

– Вокзал далеко отсюда?

Будто нарочно слышался паровозный гудок, задребезжали от близкого стука колес стекла в разошедшихся оконных рамах.

– Рукой подать, – зевнул собеседник.

– Как думаете, объявится еще?

Смотритель свернул газету и ткнул заскорузлым пальцем в железнодорожное расписание на последней странице.

– Единственный сегодняшний поезд на Новый Вавилон ушел в одиннадцать часов, а время уже за полдень перевалило. Уехал он, не сомневайтесь.

– Позвольте, – попросил я газету и убедился в правоте собеседника. Заодно отметил, что следующий поезд в этом направлении проследует через город завтра в пять утра. – А вы видели билет?

– Оно мне надо? – удивился смотритель, забрал газету и спросил: – Да что он натворил-то?

Спросил без особого интереса, просто от скуки. Индус перестал существовать для него, как только освободил комнату, но я счел нужным ответить.

– Недостача в кассе, – прибежал к самой простой лжи и поспешил откланяться.

– С вещами что делать? – уже в спину крикнул смотритель.

– Ваше дело!

Вещи индуса меня несколько не интересовали. А вот сам бармен – весьма и весьма. Он сорвался из города неспроста. Не иначе ему посулили за мое отравление сумму, достаточную для переезда в Новый Вавилон.

Но кто и зачем? И связан ли с этим поджог дирижабля?

Ответов на эти вопросы не было. Более того, положила руку на сердце, все подозрения и предположения по достоверности лишь немногим отличались от гадания на кофейной гуще. Вороватый бармен мог просто позариться на золотой хронометр и попытаться опохмелиться простака, а потом запаниковать и сбежать, не дожидаясь обвинений.

Из-за горного воздуха и пеших прогулок разыгрался аппетит, я купил в уличной палатке лепешку, начиненную расплавленным сыром, жареным мясом и овощами. Прямо на улице умял ее, вытер пальцы носовым платком и запил стаканом газированной воды без сиропа.

Потом перешел через рельсы и зашагал к центру. Солнце зависло прямо над головой, тени прижимались к стенам домов, было жарко. Я бы с удовольствием оплатил билет и доехал до места назначения в вагоне электрической конки, но ее линия лишь опоясывала город. К тому же вагоны ходили только в одном направлении, и курсировало их одновременно по кольцу едва ли больше трех или четырех. Тут либо пешком, либо на извозчике.

Я предпочел первый вариант. Не столько из-за стесненности в средствах, сколько желая сохранить втайне свои перемещения по городу. Лишний свидетель в моем положении был бы действительно лишним. Ни к чему это.

Для начала я сходил по адресу, указанному в выходных данных «Утренних новостей». Редакция газеты располагалась неподалеку от телеграфного отделения, именно его в качестве ориентира назвала мне продавщица ларька с газированной водой. Заодно отправил еще одну телеграмму, на этот раз – своему бывшему сослуживцу Рамону Миро. Попросил встретить господина Рошана на вокзале и обеспечить мне возможность пообщаться с ним с глазу на глаз. Не желая вызывать подозрений у сотрудников телеграфа, подробностей указывать не стал, но подробности и не требовались. Еще сообщил поверенному время своего ориентировочного прибытия в Новый Вавилон, дабы он принес паспорт и деньги прямо на вокзал.

После этого я отправился в редакцию газеты. Скорее всего, приближался срок сдачи материалов в завтрашний номер – по коридору бегали растрепанные репортеры с красными из-за постоянного злоупотребления кофе и сигаретами глазами. В рекламном отделе, несмотря на распахнутое настежь окно, было нещадно накурено. Клерк даже глаз от печатной машинки не оторвал, когда я вошел и принялся рыться на столе с брошюрами и рекламными материалами.

Отыскав визитную карточку Марека Фаре, я покинул редакцию и отправился на Виа Антик, дом семь, корпус два. Снимки бульвара нередко красовались на почтовых открытках, и отыскать эту улицу не составило никакого труда, иное дело – второй корпус седьмого строения. Возведено трехэтажное здание было внутри квартала, виды которого точно не входили в перечень городских достопримечательностей, найти его оказалось совсем не просто.

Не желая попадаться на глаза консьержу, я зашел со двора, благо калитку в заборе оставили распахнутой настежь. В отличие от нее, дверь черного хода оказалась заперта, но проблемой это не стало. Только уперся плечом и надавил, как сразу с легким треском отошел косяк и скрипнули ржавые петли. Выбивали замок здесь явно не в первый раз.

По шаткой лестнице я поднялся на второй этаж, в темном коридоре осмотрелся и отправился дальше. Вход в обиталище фотографа обнаружился на третьем этаже, прямо напротив лестницы.

Я подступил к двери с неровно прикрученными медными цифирями и прислушался. По соседству лихорадочно трещала печатная машинка, этажом ниже забивали гвозди в стену с такой силой, что сотрясаясь весь дом, из комнат фотографа не доносилось ни звука.

Повернув круглую латунную ручку, я толкнулся внутрь, дверь не шелохнулась. Пришлось постучать, но на стук никто не отозвался.

Выбор оставался небольшой: либо уйти несолоно хлебавши, либо совершить уголовное деяние, именуемое взломом, и осмотреться внутри.

Без особых колебаний я взялся повторить трюк, позволивший попасть в здание: вывернул ручку, уперся плечом в филенку и осторожно надавил, ожидая услышать хруст и треск, но вместо этого дверь вдруг подалась и рывком

приоткрылась.

Немного, всего сантиметров на десять, но хватило и этого. Пахнуло отвратительной вонью, качнулось сине-багровое лицо фотографа с вывалившимся изо рта языком. Затянутый вокруг шеи газетчика желтый шелковый галстук другим концом был намотан на внутреннюю ручку двери, и заочневшее тело покойника наполовину висело, наполовину лежало на залитом мочой полу.

Самоубийство? Неужели мой талант заставил фотографа наложить на себя руки?

Меня будто электрическим разрядомшибануло, но я сразу выкинул эту мысль из головы, достал носовой платок и обернул им дверную ручку, стирая отпечатки. Следствие по факту подозрительной смерти откроют в обязательном порядке; еще не хватало по собственной глупости в поле зрения полиции угодить!

Избавившись от отпечатков, я попытался прикрыть дверь, но покойник зацепился окочневшей ногой за ножку письменного стола и не сдвинулся с места. Выдохнув беззвучное проклятье, я потянул снова, и тут смолк стук печатной машинки, а секунду спустя щелкнул замок соседней двери.

Я быстро отскочил на лестничную площадку и поспешил вниз, надеясь на невнимательность соседей мертвеца, но лишь спустился на второй этаж, как по зданию разлетелся пронзительный женский визг. Пришлось броситься наутек, перепрыгивая через несколько ступенек. Вскочив на задний двор, я со всех ног припустил прочь, а только завернул за соседний дом и сразу перешел с бега на шаг. На ходу вытер носовым платком вспотевшее лицо, свернул на Виа Антик и без всякой спешки зашагал по направлению к центру.

Далекая трель полицейского свистка прозвучала, когда уже удалился на пару кварталов. Я даже не обернулся.

Шел и обдумывал смерть фотографа. Версию о самоубийстве всерьез не рассматривал. Подобные циники не накладывают на себя руки даже под угрозой неминуемого тюремного заключения. И хоть чужая душа – потемки, я успел немного покопаться в страхах этого проныры и был твердо убежден,

что он не удавил бы себя ни в минуту уныния, ни в пьяном угаре. Реши вдруг фотограф оборвать свою жизнь, он остановил бы выбор на яде или револьвере, но никак не на петле.

В таких вещах я никогда не ошибался, и значит, Марека Фаре убили.

Убили на следующий день после того, как я помешал ему сделать фотоснимок Черной Лилии. Да еще ударился в бега бармен, который неким косвенным образом оказался причастен к моему появлению на задворках варьете.

Совпадение это или чья-то хитрая игра?

Дьявол! Никто не мог знать, что тем вечером я окажусь в этом увеселительном заведении! Никто не сопровождал меня, я сам решил посетить варьете. Сам!

Все же совпадение? Но совпадений не бывает, все в этом мире так или иначе связано между собой.

Вот беспринципный фотограф – он преследует самозваную жрицу Кали, стремясь сделать ее фото. А вот вороватый индус – он зол на заклинателя змей, поскольку старик выдает себя за приехавшего из Индии факира.

Так не бармен ли надоумил газетчика, как подкараулить самозваную жрицу Кали? А Марек Фаре вовсе не показался мне простаком, если он и заплатил бармену вперед, то лишь часть всей суммы. И когда на следующий день индус не получил обещанного, он вполне мог вспылить и удавить обманщика. А потом имитировать самоубийство.

Но фотограф и сам получил у кого-то аванс, вряд ли он располагал суммой, достаточной для подкупа извозчика и бармена, не говоря уже о найме пары громил. Деньги потрачены, фотографий нет – вспылить мог и заказчик.

Мое же отравление могло объясняться алчностью индуса, который перед отъездом вознамерился позаимствовать у посетителя варьете золотой хронометр.

Мысли крутились в голове, кусочки мозаики складывались один с другим, рассыпались и складывались уже в ином порядке. Пока шел до площади, успел

перебрать с десятков версий, но ни одна из них целиком и полностью меня не устроила. Не отпускала убежденность, что я не принимаю в расчет некий важный факт. А какой – понять не мог.

Вскоре над крышами домов замаячило брюхо дирижабля с уходящими от гондолы к земле канатами, потом показались стены восстановленного амфитеатра. Но лишь на площади Максвелла я сумел в полной мере оценить масштаб древнего сооружения, которое едва ли уступало размерами римскому Колизею. Некогда камни амфитеатра пустили на строительство окрестных домов, и античное строение долгие века пребывало в полнейшем запустении, но теперь ему вернули первозданный облик с высокими арками и узкими оконными проемами внешних коридоров, мраморными колоннами и барельефами. Я даже представить не мог, сколько пришлось вложить в реставрационные работы.

Сама площадь Максвелла была полукруглой. С одной стороны на нее выходил фасад амфитеатра, с другой вплотную прижимались дома средневековой постройки. До встречи с Лилианой оставалось еще полчаса, поэтому на тенистую веранду ресторана я проходить не стал и двинулся к памятнику Максвеллу. У постамента плескался на солнце прозрачной водой сооруженный фонтан, а мне хотелось умыться.

В отличие от запечатленного на многих полотнах хрестоматийного образа, здесь Максвелл был изваян в камне один, без своего потустороннего компаньона. Но на статую я как-то даже не смотрел, взгляд сам собой цеплялся за паривший над площадью дирижабль. Летательный аппарат буквально подавлял своими размерами, не давая прочувствовать ни помпезность памятника, ни величественность амфитеатра. Реставрация и торжественное открытие и в самом деле оказались хитрым рекламным ходом заезжего миллионера, не зря на дирижабле огромными буквами было выведено название его корпорации: «Меллоун и партнеры».

Подобраться к фонтану оказалось не так-то просто: на облицованном мрамором парапете расположились многочисленные живописцы, на вид – студенты школы искусств Императорской академии. Одни делали наброски амфитеатра: кто – в первозданном виде, кто – со строительными лесами и летательным аппаратом в небе, другие зарисовывали виды площади и памятник великому ученому.

Их старшие товарищи подходили к делу куда более основательно. Расположившиеся под солнечными зонтами мастера принимали заказы на портреты состоятельных курортников, а в качестве сувениров продавали либо доведенные до ума наброски учеников, либо собственные работы, но написанные в студиях, по фотоснимкам.

Я протолкался к воде и умылся. Затем вытер ладони носовым платком и уже двинулся в обратный путь, когда под одним из просторных солнечных зонтов вдруг мелькнул знакомый профиль. Высокий седой старик с изможденным лицом стоика спрятал глаза под черными очками слепца, но при этом уверенными движениями набрасывал карандашный рисунок.

Это был Шарль Малакар. Талант сиятельного позволял слепому рисовальщику забираться в подсознание клиентов и переносить на бумагу наиболее яркие образы, обнаруженные там. Сейчас он занимался дамой средних лет с неестественным румянцем на щеках. Она полулежала на раскладной софе, веки были смежены, по губам блуждала легкая улыбка.

Отчетливый запах камфары с нотками аниса меня несколько не удивил. Опиумная настойка продавалась в аптеках без рецепта и давно пользовалась популярностью у состоятельных дам, мучимых мигренями и скукой. А часто – и тем и другим одновременно.

Я бесшумно приблизился и встал за спиной художника. Обычно он ограничивался черно-белыми рисунками, но сейчас использовал разноцветные карандаши, создавая причудливую картину с искаженной перспективой пшеничного поля и скачущей через него на золотом единороге златовласой дамой-заказчицей. Ярко-желтые тона буквально переполняли холст.

– Посмотри наброски, Лео, – произнес Шарль своим неизменно-скрипучим голосом. – Освобожусь через пять минут.

Я удивлено хмыкнул.

– Брысь! – шикнул художник. – Ты мне сейчас дыру в голове взглядом просверлишь! Уйми свой талант!

– Хорошо, больше не буду, – пообещал я и взял скрепленную железным кольцом стопку карандашных рисунков.

Большей частью это были виды городской площади, какой она представлялась клиентам художника, но встречались совсем уж замысловатые картины. На одной из таких фигура Максвелла на постаменте обзавелась компаньоном: на руку великого ученого была намотана цепь, другой ее конец был прикован к ошейнику потустороннего существа, выведенного несколькими скупыми чертами. Создавалось впечатление, что работа еще не завершена, хотя, скорее всего, человек просто не представлял, как именно выглядел знаменитый демон Максвелла. Точнее, его падший.

Шарль и в самом деле уложился в обещанные пять минут. Дама пришла от цветовой гаммы картины в полнейший восторг, щедро расплатилась с рисовальщиком и отправилась восвояси. Я занял софу и кивнул заказчице в сед:

– Опиум?

– И абсент, Лео. Не забывай об абсенте. У меня до сих пор в голове все желтое перед глазами.

– У тебя нет глаз, Шарль.

– Не придирайся! – одернул меня художник. – Где пропадал, Лео? Больше года ни слуху ни духу.

– Путешествовал, – уклончиво ответил я. – Какими судьбами здесь? Думал, ты прирос к своему месту под статуей Микеланджело.

– Не прирос, как видишь, – хрипло рассмеялся старик. – В Новом Вавилоне сейчас адское пекло. Дым и чад, не хватает только серных дождей. Мне подвернулся денежный заказ, я не стал отказываться. Проведу лето на чистом воздухе.

– Что за работа? – удивился я, поскольку Шарль терпеть не мог никаких рамок и ограничений.

Рисовальщик ткнул пальцем себе за спину, как если бы точно знал, что именно там находится. Впрочем, он знал.

– После гала-концерта я зарисую для организаторов, как это событие виделось участникам. Из-за пристрастия творческого люда к опиуму и абсенту уверен: это будет незабываемая работа, – сообщил художник и рассмеялся: – Стоило согласиться только ради этого!

– Рад за тебя.

– А ты, как обычно, весь в делах и заботах, Лео?

– Есть немного, – вздохнул я, запрокинул голову и закрыл глаза. – Окажешь небольшую услугу?

– Нет! – наотрез отказался Шарль. – Нет, Лео! Я не стану снова рисовать твоих пассив. От несчастной любви у меня изжога. Не говоря уж о том, что твой талант просто разрывает мне голову. Еще, знаешь ли, работать и работать сегодня. Солнце высоко.

– Брось, Шарль, – усмехнулся я, – никакой несчастной любви. Нужен портрет одного человека. Я его едва помню, если честно. Никаких сильных эмоций.

– Простой портрет?

– Очень простой. Чтобы это походило на работу полицейского художника. Ты такое сделаешь с завязанными глазами.

– Не дают покоя мои глаза?

– Извини, Шарль.

– Ты всегда был не сдержан на язык, Лео, – укорил меня рисовальщик. – Говоришь быстрее, чем думаешь.

– Не замечал за собой такого.

– Обрати внимание, – попросил Шарль и закрепил на мольберте новый лист. – Начнем, пожалуй.

Я постарался восстановить в голове образ стоявшего за стойкой бара индуса, уловил легкое давление в висках, когда талант художника проник в голову, и постарался расслабиться, отпустив на волю свой собственный дар сиятельного. Но Шарль вдруг шикнул на меня:

– Соберись! Что с тобой такое?

– Я пытаюсь!

Я действительно пытался, но индус выходил каким-то совсем уж обезличенным.

– Что ты принимаешь, Лео? – спросил старик. – Я с такой сильной дрянью еще не сталкивался!

– Ничего не принимаю! В тот день меня чем-то опоили, хочу найти поганца!

– Тогда сосредоточься!

– Тебе не угодишь! – огрызнулся я и постарался вспомнить свои ощущения, когда после душного зала сделал глоток изумительно вкусного и холодного лимонада.

Дремавшее до того воображение в один миг проснулось, словно я ненароком нажал скрытый в памяти спусковой крючок. Щелк! – и с кристальной ясностью перед глазами возникло лицо индуса.

Шарль досадливо зашипел и принялся быстро-быстро скрипеть грифелем карандаша по листу бумаги. Вскоре он раздраженно бросил карандаш в стаканчик и объявил:

– Забирай!

Когда я открыл глаза, слепой художник вытирал платком текшую из носа струйку крови.

– Сведешь когда-нибудь старика в могилу... – проворчал он.

– Я все компенсирую.

– Когда ограбишь банк?

– Деньги у меня есть, – усмехнулся я. – Надо только их получить.

– Брось, – махнул рукой Шарль Малакар, взял из ведра с колотым льдом бутылку с питьевой водой и сделал несколько жадных глотков. На худой шее заходил крупный кадык. – Принимай работу!

Я посмотрел на портрет и одобрительно зацокал языком. Скупые линии, резкие и формальные, складывались в легко узнаваемый образ. Никаких лишних деталей, как обычно и рисуют полицейские художники со слов очевидцев, но, раз увидев беглого индуса, уже точно не ошибешься и не спутаешь его с другим соплеменником. Вот что значит настоящий талант!

Более того, в левом нижнем углу Шарль изобразил открытый глаз – известную всем и каждому эмблему Детективного агентства Пинкертона; ниже уверенной рукой был начертан девиз: «Мы никогда не спим». И удивительное дело – хоть символ и бросался в глаза, от лица беглеца он внимания нисколько не отвлекал.

– Возьми мою кепку, – посоветовал старик, – в ней ты будешь похож на шпика.

– Благодарю! – не стал отказываться я от подарка, свернул рисунок и убрал его в карман. – С меня причитается.

– Проваливай! – рассмеялся Шарль. – Клиентов распугаешь.

– Еще увидимся.

– Меньше болтай, больше делай.

– Счастливого оставаться! – попрощался я и отправился в ресторан.

Справился у метрдотеля о госпоже Монтегю, и тот велел официанту проводить меня на второй этаж. Людей в ресторане было немного, публика собиралась в этом респектабельном заведении уже ближе к вечеру, зато с избытком хватало пальм, фикусов и античных статуй в нишах стен.

Лилиана забронировала столик на две персоны у открытого окна террасы. Прохладный ветерок так и раскачивал легкие полупрозрачные занавески.

– Лео! – обрадовалась моя новая знакомая и отставила на стол бокал с белым вином и льдом. – Я уже начала опасаться, что ты не придешь!

– Как ты только могла такое подумать? – уверенно улыбнулся я, хоть на самом деле еще час назад понятия не имел, приму приглашение или нет.

Делать хорошую мину при плохой игре – так это называется.

– Что будете заказывать? – подошел к нам официант с меню в кожаной обложке.

Я принял у него увесистый том и без тени смущения признался:

– Дорогая Лилиана...

– Просто Лили.

– Лили, всех моих денег в бумажнике хватит здесь разве что на пару медовых коржиков. Хочешь коржик?

– Лео, я же угощаю! Ты забыл? – напомнила Лилиана. – Пусть твою помощь не оценить материально, но я хочу, чтобы этот символический жест позволил нам начать все с чистого листа.

– Отлично! – улыбнулся я и заказал стейк с гарниром из жареных овощей стоимостью в четверть сотни франков. Гулять так гулять!

– Что будете пить?

– Черный чай. Лучше всего – южноафриканский.

– К сожалению, у нас есть только индийский, – сообщил официант, подливая вина в бокал Лили.

– Тогда индийский. И кувшин лимонада, пожалуйста. Лимонад несите сразу.

Девушка округлила глаза.

– Так ты не шутил насчет лимонада? Это действительно твой любимый напиток?

– Я вообще редко шучу, – улыбнулся я. – А ты ничего не закажешь из еды?

– Уже заказала, – отмахнулась Лили и спросила: – Чем занимался?

Я неопределенно пожал плечами.

– Да так, ничем особенным. Отправил пару телеграмм, выяснил расписание поездов.

– Уезжаешь? – кинула собеседница на меня быстрый взгляд поверх бокала с вином.

– Завтрашним пятичасовым.

– Уже купил билеты?

– Поеду после ресторана.

– Отлично! – улыбнулась Лили. – Я с тобой! Обожаю смотреть на поезда. Всегда любила путешествовать. Не возражаешь? Я такая бесцеремонная...

– Не возражаю, – просто ответил я и наполнил высокий бокал принесенным лимонадом. Общество Лилианы мне нравилось. Впрочем, Лили была способна очаровать даже каменную статую.

– Может, потом сходим в синематограф?

– Не люблю, – признался я. – Тесно, темно, вечно накурено.

– Что тогда?

Я сделал глоток лимонада и сообщил:

– В городском парке сегодня лекция на тему «Обитаемы ли планеты».

Лилиана посмотрела на меня с неприкрытым удивлением, но после недолгих раздумий согласилась.

– Чудесно! – отсалютовала она мне бокалом вина. – А после лекции останемся на танцы!

– Танцы я тоже не особо жалую, но...

– Останемся! – отрезала Лили. – Я уже не помню, когда ходила на танцы последний раз!

– В пятницу? – напомнил я и сразу пожалел о сказанном.

Она болезненно поморщилась и попросила:

– Давай не будем об этом, хорошо?

– Как скажешь, – пообещал я и откинулся на спинку стула, пытаюсь понять, какие чувства испытываю к собеседнице.

В итоге так ни к какому определенному выводу и не пришел. Лилиана мне совершенно точно нравилась, с ней было легко и просто. Это с одной стороны. С другой – она танцевала полуголой в варьете с удавом на плечах. И кто мог поручиться, что наша встреча была случайной? Я не знал и не мог знать, чего ожидать.

Просто надеялся на лучшее.

А почему бы и нет? Меня не так-то легко убить. И запугать – тоже непросто. А вот я и в том и в другом изрядно преуспел. Это вселяло определенную уверенность в будущем.

И – черт побери! – мне действительно нравилось находиться в обществе Лилианы! С ней окружающая действительность казалась четче, сочнее и ярче, и даже лимонад был вкусней, нежели обычно.

Любовь? Нет. Я точно знал, что это не она.

Просто... просто между нами протянулась некая ниточка.

И это даже немного пугало. А я не привык поддаваться собственным страхам.

Сначала принесли салаты и легкие закуски, потом дошла очередь и до горячего. Мы без лишней спешки отобедали и перешли на открытую террасу, благо солнце перевалило через дом и получилось разместиться в тени.

От озера дул прохладный ветер, мы сидели в плетеных креслах и пили; я – чай, Лили – белое вино. О чем болтали, даже не скажу, но было легко и приятно.

Удивительно даже; обычно я так запросто с людьми не схожусь.

– Ты поразительный человек, Лео! – заявила вдруг Лилиана, задумчиво глядя на игру света в бокале. – Просто не знаю, чего от тебя ждать!

Она словно повторила мои мысли, это вызвало легкую оторопь.

– Почему это? – спросил я после долгой паузы, поставил на подставку фарфоровый чайничек и повторил вопрос: – Ну, скажи на милость, почему?

– Будто сам не знаешь! Татуировки и все остальное... ты похож на головореза, но каким-то чудом умудрился произвести самое благоприятное впечатление

на папу! А он в людях не ошибается! И ты пригласил меня на лекцию! Не в кинематограф, не на танцы, а на лекцию, Лео!

– Может, я просто страдаю от чрезмерной стеснительности?

– Ты? – Лили рассмеялась, и глаза ее мягко засветились изнутри, словно отражая солнечные лучи. – Да, действительно. Это просто не пришло мне в голову. Извини. Ты такой решительный на вид...

– Внешность обманчива.

– Но мы останемся на танцы?

– А у меня есть выбор?

Лили задумалась и покачала головой.

– Нет. Иначе я поеду домой заливать тоску и разочарование в жизни вином. И тебе станет стыдно.

– Стыд – моя ахиллесова пята, – улыбнулся я и насторожился, услышав странный шум на площади.

Обернулся и удивленно хмыкнул при виде подъехавшей к памятнику самоходной коляски, крайне непривычной на вид. Она была не столь массивна, как полицейские броневики, и обладала куда более тихим движком.

«Форд-Т»! Самоходная коляска на паровом ходу производилась в Новом Свете, и по эту сторону Атлантики встречались лишь единичные экземпляры. Тем удивительней было увидеть ее в курортном городке.

Вслед за «фордом» к памятнику Максвеллу подъехало три открытых конных экипажа, и констебли принялись вежливо и вместе с тем решительно просить разойтись оккупировавших площадь студиозусов. На своих местах полицейские позволили остаться лишь художникам-мэтрам.

Выбравшийся из-за руля самоходной коляски молодой черноволосый человек установил на брусчатке треногу кинокамеры и начал съемку. Его ассистентка в неприлично короткой юбке и блузе с коротким рукавом щелкнула перед объективом хлопущкой и поспешно отступила в сторону. Важные господа из прогулочных экипажей встали у памятника и принялись что-то степенно обсуждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/pavel-kornev/padshiy-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)